

Лена ОБУХОВА

АКАДЕМИЯ ГОРГУЛИЙ

ИЗБРАННИЦА
ДРАКОНА

Елена Александровна Обухова
Академия Горгулий.
Избранница дракона
Серия «Академии
Содружества», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68414593
2023

Аннотация

Призраки, зомби, некроманты... Если бы Ника Матвеева знала, что ждет ее в родном мире отца, она бы подумала дважды, прежде чем скрываться там от проблем с законом. Но теперь она уже не отступит, ведь никто, кроме нее, не видит и не слышит призраков, обитающих в Замке Горгулий, а тем есть, что сказать. И, возможно, они сумеют помочь вычислить и остановить убийцу, который мстит студентам академии за грехи их отцов. Кто этот человек и кого еще он наметил в жертвы? Связан ли он с заговором, который плетется вокруг одного из преподавателей академии – изгнанного из рода бывшего лорда Ардема? И способно ли тлеющее сердце молодого дракона, потерявшего невесту, заплыть вновь?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	44
Глава 4	54
Глава 5	77
Глава 6	90
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Лена Обухова

Академия Горгулий.

Избранница дракона

Глава 1

Тумалон. Самая загадочная и наименее исследованная территория Содружества. Остров, затерянный посреди Северного моря, постоянно окруженный плотным туманом. Согласно легендам, никто из тех, кто шел к острову по своей инициативе – без приглашения местных властей – так до него и не добрался. Одни корабли погибли, заблудившись в тумане и не найдя из него выхода. Те, кто сумели выбраться из смертельной ловушки, утверждали, что никакого острова за туманом просто нет. Но их слова оспаривали те, кто так или иначе взаимодействовал с тумалонцами.

Поговаривают, что Тумалон одновременно существует в двух мирах. И когда что-то угрожает его обитателям в одном из них, магия скрывает его в другом. Каков тот иной мир, никто толком не знает. То ли это та же «изнанка», где выросла я, то ли еще одна реальность, существующая параллельно двум нашим. Возможно, точного ответа на этот вопрос не знают даже сами тумалонцы. Если они столь закры-

ты здесь, не исключено, что аналогичным образом ведут себя и там, не вникая в детали окружающего их мира.

Все это рассказал мне Рабан. Когда о смерти Мортены узнали директор Колт и миллиты, нас на несколько часов изолировали в одной из аудиторий. Представителей местных органов правопорядка на тот момент в замке оставалось не так уж и много: только те, кто продолжал поиски загадочного незнакомца, пытавшегося скрыться в потайном подземном лабиринте. Вероятно, именно немногочисленностью миллитов объясняется тот факт, что нас с Рабаном разместили в одной аудитории, хотя логичнее было развести по двум: чтобы мы не смогли согласовать показания. Но людей не хватало, поэтому нас и закрыли вместе, приставив одного охранника на двоих. Собственно, он и следил за тем, чтобы мы не говорили о случившемся.

Находиться с Рабаном в одной комнате после всего, что между нами произошло за последние дни, было странно, а присутствие постороннего не позволяло продолжить выяснение отношений. Сидеть молча я решительно не могла: время и так тянулось невозможно медленно. Поэтому, помаввшись минут пять и ощутив их почти как час, я нарушила угрюмую тишину помещения, поинтересовавшись у дракона, что он знает о Тумалоне и его обитателях. Миллит попытался призвать меня к порядку, но я парировала:

– Это не касается Мортены и случившегося, абсолютно отвлеченная тема. Просто небольшой ликбез, чтобы скоро-

тать время.

Должно быть, миллит – молодой мужчина с копной аккуратно постриженных волос насыщенного медного цвета – уже слишком давно оставался на ногах, поэтому лишь вяло махнул рукой, мол, черт с вами, просвещайтесь. И Рабан с удовольствием ухватился за возможность немного отвлечься.

– Хотя Тумалон формально состоит в Содружестве, по факту его обитатели живут сами по себе, – говорил он своим «лекторским» голосом – тихим, но звучным, задумчиво растирая пальцами одной руки другую.

На обеих оставалась засохшая кровь Мортены, и Рабану это явно не нравилось, но он почему-то не применял магию, чтобы очистить ладони.

– Драконы там практически не имеют власти, всем управляют местные. Традиционное для других территорий деление на кланы тоже не в ходу, насколько мне известно. Гораздо большее значение имеет членство в том или ином ордене. Их там то ли три, то ли пять основных, официально признанных. Без принадлежности к одному из них серьезной карьеры не сделать, все более или менее значимые сферы жизни находятся под их влиянием.

– И таким раскладом не все оказались довольны, – неожиданно заметил миллит.

Он все это время скучал за преподавательским столом, тогда как мы с Рабаном сидели на местах студентов на прилич-

ном расстоянии друг от друга.

– В каком смысле? – тут же заинтересовалась я.

– Несколько лет назад... пожалуй, уже даже пару десятилетий назад на Тумалоне образовался оппозиционный орден, – пояснил Рабан. – Долгое время существовал практически подпольно, был своего рода тайным обществом. Сначала его не замечали, потом с ним боролись, а в прошлом году, как я слышал, орден этот попытался захватить власть. И поскольку он успел накопить влияние и последователей, началась гражданская война.

– Закончилась уже, – снова вклинился в наш разговор миллит. – Еще летом Орден Черных Псов был разбит и прекратил свое существование. Его члены или казнены, или угодили за решетку. Некоторым удалось бежать, в том числе на разные территории Содружества. Поэтому мы и в курсе: Тумалон направил списки беглых преступников с требованием передать их властям, если они нам попадутся.

Через какое-то время к нам присоединился второй миллит, после чего нас с Рабаном все-таки разделили, допросили по одному и отпустили. Во всяком случае меня, еще и до комнаты проводили, строго-настрога велел до утра из нее не выходить. Колта я в ту ночь больше не видела: он не заглянул к нам, пока мы с Рабаном маршировали в аудитории, и не зашел ко мне после допроса. То ли был слишком занят, то ли все еще сердился на мое опрометчивое поведение прошлой ночью.

К утру, по крайней мере, к общему подъему и завтраку, все следы преступления в холле исчезли. Я специально зашла посмотреть, что происходит, прежде чем отправиться в столовую, но не обнаружила ровным счетом ничего. Вероятно, длительных исследований места обнаружения тела миллиты не проводили, само тело с рассветом увезли в город, а шустрые домовые вымыли полы и свели надпись со стены. Никто не хотел афишировать гибель Мортены раньше времени или допускать ажиотаж вокруг нее.

В столовой до сих пор обсуждались события предыдущей ночи. Довольно быстро я убедилась, что мои друзья тоже не в курсе последнего происшествия.

– Ты в порядке? – спросила Марин, когда стало слишком очевидно, что я никак не реагирую на общую беседу за столом.

– Тебе, наверное, влетело от Колта вчера, – сочувственно заметил Влад. Но поглядывал он на меня с нездоровым любопытством.

Я пожалала плечами. При всем желании я не могла сказать, что отец накануне был суров со мной. Скорее, наоборот.

– Все обошлось. Я уснула, пока ждала его, а когда проснулась, он уже... перегорел, видимо.

– Повезло, – мрачно заметил Киллиан. И добавил, обедая взглядом нас троих: – Вам всем. Потому что дело могло закончиться отчислением.

– Дело могло закончиться гибелью от рук мертвецов, – хо-

лодно поправила его Алиана. – Это было бы куда трагичнее, чем отчисление.

Никто не стал спорить. Я и вовсе едва услышала ее замечание, поскольку в столовую как раз вошел Рабан. Студенты вновь оживились: видимо, еще не все знали, что его отпустили. Дракон, как всегда, любопытные взгляды проигнорировал, но его собственный задержался на мне, хотя обычно он себе такого не позволял. Я не могла понять, что именно этот взгляд выражает, но почувствовала облегчение оттого, что Рабана не арестовали снова. Значит, миллиты его не подозревают. Вероятно, считают, что Мортену убил неизвестный тумалонец.

«Интересно, его поймали?» – мысленно задалась я вопросом.

И буквально через несколько минут получила на него ответ. В столовую вошли двое миллитов и после небольшой заминки направились к нашей небольшой компании. Конечно, под пристальными взглядами остальных студентов. Да уж, сегодня завтрак давал местным сплетникам пищу не только для желудков.

– Госпожа Матвеева, господин Рихард и... Марин Николеску, вам необходимо пройти с нами, – тихо сообщил уже знакомый мне миллит, присматривавший за мной и Рабаном ночью. Выглядел он ужасно уставшим, но пока держался.

Мы переглянулись с Марин и Владом, но без лишних вопросов оставили завтрак и последовали за мужчинами.

– А в чем дело? Куда вы нас ведете? – на правах знакомой тихо поинтересовалась я у парня с медными волосами, когда мы уже покинули столовую.

– Не волнуйтесь, к вам нет никаких претензий, – поспешил успокоить нас тот. Затянувшееся дежурство явно не испортило его характер. Впрочем, он был довольно молод, поэтому, вероятно, пока легко переносил недостаток сна. – От вас требуются только свидетельские показания.

Я оглянулась на друзей и улыбнулась, их эта новость тоже заметно успокоила.

Нас привели в кабинет директора, в котором неожиданно оказалось очень людно. В кресле за письменным столом сидел капитан Бенсон, сам Колт стоял в стороне, у того же окна, у которого я увидела его впервые. По углам комнаты рассредоточились четверо миллитов, а в кресле посетителя, где еще недавно дожидалась разноса отца я, сидел незнакомец из леса. Я узнала его, хотя и не увидела лица: когда мы вошли, он не обернулся и не посмотрел на нас. Хорошо, что хотя бы сопровождавшие нас миллиты остались за дверью, иначе в помещении стало бы совсем тесно.

– Доброе утро, господа студенты, – нарочито бодро поздоровался с нами Бенсон, хотя по его лицу было видно, что у него уже давно не утро, да и ничего доброго в нем нет. – Пожалуйста, взгляните на этого мужчину и скажите, его ли вы видели прошлой ночью у лесного входа в потайной лабиринт?

Я была готова сразу крикнуть: «Да!», но не стала торопиться. Вместе с Владом и Марин мы обошли задержанного, чтобы рассмотреть его лицо. Хотя сделать это все равно было непросто: он прятался за завесой спутанных черных волос. Впрочем, ночью в темноте и суматохе его тоже было не очень-то хорошо видно.

– Да, это он, – первой заявила я.

– Пожалуй, соглашусь, хотя ночью я не успела его подробно рассмотреть, – добавила Марин. – Но похож.

– Да он это, – уверенно резюмировал Влад. – Точно он.

На губах мужчины появилась усмешка, цепкий взгляд почти черных глаз скользнул по нам троим и отчего-то ненадолго задержался на мне. Возможно, потому что именно меня незнакомец видел не только в лесу у замка, но и в мертвой деревне. У меня по спине пробежали колючие мурашки, когда я поняла, что он может рассказать об этом Колту и миллитам.

– Хорошо, тогда можете рассказать подробнее, что именно этот человек делал той ночью? Пожалуйста, перечисляйте

только факты. То, что вы сами видели.

Мы принялись сбивчиво отчитываться, немного путаясь в хронологии. С наших слов выходило, что незнакомец появился в момент нападения на нас мертвецов, помог отбиться и велел спрятаться в подземелье.

– Мне он не помог, – торопливо добавила я, чтобы картина была полной. – Влад, Мортена и Марин успели спуститься в подземелье, а меня один из мертвецов не пустил к люку. И второй уже тоже шел на меня. Этот человек все видел, но не стал вмешиваться, предпочел закрыть люк. И у замка он появился до того, как мертвецы напали. В образе ворона.

– Откуда ты знаешь, что вороном был именно он? – неожиданно спросил Колт, к которому мы сейчас оказались спиной.

Я не стала оборачиваться, чтобы отец не смог ничего прочитать на моем лице, и лишь пожала плечами.

– Видела потом, как он превратился из ворона в человека. И полагаю, что тем вороном тоже был он...

– Полагать не надо, – осадил Бенсон. – Меня интересуют только факты, а не домыслы.

Снова пожав плечам, я упрямо повторила:

– Я видела черного ворона на стене замка за мгновения до нападения мертвецов.

– А еще он что-то дал Мортене, – добавила Марин. – И та отключилась. А он просто исчез в темноте коридора. Больше мы его не видели.

– Что ж, благодарю, вы можете быть свободны, – заявил Бенсон.

Влад и Марин торопливо и с явным облегчением направились к двери, а я все никак не могла оторвать взгляда от незнакомца, хотя тот давно не смотрел на меня. Он ни на кого не смотрел.

– Ника, – окликнул Колт, – ты можешь идти.

– А можно остаться? – неожиданно для самой себя попросила я, все-таки поворачиваясь к отцу.

Его брови едва заметно приподнялись, в глазах читалось недоумение. Друзья удивленно замерли у двери, поглядывая на меня с явным неодобрением. Только тумалонец снова тихо усмехнулся, как будто понимал причины моей просьбы. Хотя я сама до конца их не осознавала.

– Капитан Бенсон, вы позволите? – неожиданно поинтересовался Колт у миллита, даже не спросив с меня объяснений.

– Это ваша академия, директор Колт, ваш кабинет и ваша дочь, – лениво отозвался тот. – Так что решайте сами. Только объясните ей ответственность за разглашение любой информации, услышанной здесь.

Я едва не подпрыгнула от радости, но сдержалась. Взглядом попрощалась с Владом и Марин, в глазах которых тут же вспыхнул огонек любопытства, и отошла от тумалонца подалее, оказавшись рядом с Колтом. Но то, что встала поближе к отцу, я осознала много позже, а сейчас моим вни-

манием владел темноволосый незнакомец.

По возрасту он был близок к Колту. Высокий, болезненно худой, заметно потрепанный жизнью, он все равно внушал если не страх, то как минимум трепет. От него исходило что-то мрачное, темное и опасное. Выдающийся нос, напоминающий птичий клюв, и почти черные глаза делали его похожим на ворона, в которого он так легко обращался. Наверное, это интриговало в нем больше всего: сохранившаяся способность. Я все еще не тосковала по возможности становиться жутким монстром, но после встречи с настоящей горгульей той ночью очень хотела понять, кто мог ею быть.

– Ну что, теперь поговорим? – тем временем обратился к незнакомцу Бенсон. – Пока вы задержаны за проникновение в замок, поэтому разговариваем мы здесь, но подозреваю, что скоро все изменится. Давайте начнем с простого: как вас зовут? Как вы оказались прошлой ночью у замка? Что дали выпить Мортене Шелл? Что вы знаете о нападении мертвецов?

После каждого вопроса Бенсон делал небольшую паузу, но мужчина и не думал пользоваться ею для ответа. Он смотрел на миллита с едва заметной насмешкой и высокомерием человека, который ничего не боится, потому что ему нечего терять.

– Не хотите говорить, – констатировал капитан, когда его «собеседник» не проронил ни слова. – Тогда давайте я вам помогу. Вас зовут Карл Кроу. Вы тумалонец, известный зе-

львар, бунтарь, член Ордена Черных Псов. Причем не рядовой, вы входили во внутренний круг. Очевидно, бежали с острова после того, как ваш Орден был разбит, возможно, даже раньше. Разыскиваете властями Тумалона. Смею предположить, что вы уже некоторое время прячетесь где-то здесь. Едва ли в Бордеме, для вас слишком опасно. Значит, или у кого-то на ферме, или в лесах... Или в Мертвых землях. Вы ведь отлично справляетесь с мертвецами, как мы только что выяснили. Черные Псы и некромантию практиковали?

– Никогда, – послышался тихий, слегка хриплый голос. Кроу заметно выпрямился, дернул головой, скидывая волосы с лица. – Никогда наш Орден не марал руки о некромантию.

– Вы того мертвеца чуть ли не в пыль превратили и даже не поморщились, – не удержалась я от комментария. Ведь я при попытке бороться с местными зомби едва не умерла, но мне хватило мозгов не говорить сейчас об этом.

Кроу повернул голову в мою сторону, бросил на меня косой взгляд и пояснил:

– Упокаивать мертвецов – это не то же самое, что их поднимать...

– Законы Содружества утверждают обратное, – возразил Бенсон.

– Нам плевать на ваши глупые законы, – довольно спокойно парировал Кроу. – Будь драконы умнее, вы не воевали бы

с некромантами так долго и не несли бы такие потери. Надо уметь себя защищать, а не сжигать книги только потому, что вы боитесь некоторых страниц.

– То есть вы утверждаете, что не прятались в Мертвых землях и не практиковали здесь некромантию?

– В землях – прятался, некромантию не практиковал.

– И о мертвецах, найденных нами в районе пограничного захоронения, вы ничего не знаете?

Кроу ответил не сразу, и я непроизвольно задержала дыхание. Особенно когда он снова чуть повернул голову, бросив в нашу с Колтом сторону еще один косой взгляд.

– Не имею ни малейшего понятия, о чем вы говорите, – наконец заявил тумалонец, а я облегченно выдохнула.

– Какие отношения вас связывали с Мортеной Шелл? – продолжил допрос Бенсон.

Кроу едва заметно напрягся и даже немного подался вперед.

– Что значит: «связывали»? Почему в прошедшем времени?

Миллит прищурился, словно оценивал реакцию на искренность.

– Ее убили этой ночью.

Кроу откинулся на спинку кресла, снова ссутулился и покачал головой.

– Жаль... Надеюсь, в этом вы не хотите обвинить меня?

– При всем желании не смог бы. Вас задержали почти

в то же время, когда обнаружили тело. Оно было еще теплым, то есть убита девушка была недавно. Произошло это в главном холле замка, а вы находились в подzemелье. Даже если бы вы смогли каким-то образом выбраться, вам было не успеть вернуться. Да и не было никакого смысла возвращаться в ловушку. Мне вообще непонятно, зачем вы себя в нее загнали.

Кажется, в этот момент я прониклась к Бенсону уважением: когда следователь сам выстраивает такие логические цепочки, вместо того чтобы вцепиться в удобного подозреваемого мертвой хваткой, это говорит о его заинтересованности в правосудии.

– Я ожидал найти еще один выход, – вздохнул Кроу. – Обычно бывает. Недооценил коварство созданного там лабиринта.

– Что вас связывало с Мортеной? – повторил миллит волнующий его вопрос.

– Я знал ее отца. Вот он действительно был некромантом. Обратился к этой области магии уже после войны и не от хорошей жизни. Его дочь, Мортена, была смертельно больна. Врачи не могли помочь, лишь оттягивали неизбежное, кое-как облегчая страдания. А некромантия дала шанс. В тот день, когда тело Мортены окончательно сдалось, Шелл позволил ее сердцу остановиться и сразу провел ритуал...

– Мортена не была нежитью, – возмущенно перебил Колт.

– В обычном смысле этого слова – нет, – согласился

Кроу. – Но она была возвращена к жизни с помощью магии смерти. Это изменило ее, но не настолько, насколько обычно меняется человек после посмертного пробуждения. Она была мертва считанные минуты, и смерть исцелила ее. Но вместе с тем превратила в существо, алчущее человеческой крови.

– В вампира? – снова встряла я.

– Вроде того. У нее не выросли клыки и не развилась боязнь солнца, но чтобы жить, ей нужно было пить кровь. Или особое зелье. Я варил его чуть больше десяти лет. Как обходились до того, как Шелл меня нашел, не знаю.

– Значит, вы не только не сообщили властям о преступлении, но даже не стали выяснять подробности? – нахмурился Бенсон. – Просто взяли деньги некроманта, надругавшегося над законами природы, и не спросили, сколько человек он убил, чтобы прокормить кровью созданное им существо?

– Я взял деньги у несчастного отца, который до последнего боролся с законами природы, пытаясь отбить у нее самое дорогое, что у него было, – парировал Кроу. – А после трагической и явно преждевременной смерти Шелла я варил зелье почти бесплатно, потому что мать Мортены не могла себе позволить его реальную стоимость. И когда мне пришлось бежать с Тумалона, я поселился здесь, чтобы продолжить эту работу.

– И потому что Мортена была вам должна и наверняка снабжала едой и всем необходимым, – предположил Бенсон.

– Да, мы помогали друг другу. Потом она вдруг пропала,

перестала приходиться. Еда – полбеда, у меня имелись на такой случай кое-какие запасы, но пришло время, когда ей следовало принять ее... лекарство. Это зелье не хранится, приходится регулярно варить свежую порцию. А пропуск приема заставляет проснуться жажду. Если бы я не дал ей зелье в ту ночь, она бы принялась пить кровь. Начала бы с ребят, которые пытались ей помочь.

И Кроу снова повернулся ко мне. Сердце тут же забилось быстрее, а щекам стало жарко, когда я осознала, что едва не произошло по моей вине. Я все ждала, что Колт как-то это прокомментирует, хотя бы напомним: «Я же говорил». Но он промолчал.

– А что именно случилось с Шеллом? – поинтересовался Бенсон, словно нарочно уводя разговор в другую сторону.

– Директору Колту видней, я полагаю, – хмыкнул тумалонец. – Это же он примерно в то время охотился на некрмантов.

Капитан вопросительно посмотрел на отца, но тот даже не повернул голову в его сторону, лишь тихо подтвердил:

– Амант Шелл действительно был уличен в некрмантии. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Бенсон кивнул, давая понять, что такого ответа достаточно, а у меня холодок пробежал между лопатками.

– Итак, вы знакомы с той областью некрмантии, которая учит эффективно упокаивать поднятых мертвецов, прежде водили дружбу с некрмантом и несколько месяцев прожи-

ли в мертвых землях, – подытожил Бенсон. – Но хотите убедить, что не занимались здесь некромантией и не имеете отношения к нападению на замок?

– Мы не дружили с Шеллом, он был моим клиентом, – поправил Кроу резко. – И логики в вашем утверждении я не вижу.

– Возможно, – не стал слишком настаивать Бенсон. – Но тогда, может быть, вы замечали в запретных землях еще чье-то присутствие? В последнее время в наших краях явно завелся некромант, еще только изучающий эту науку. Начал с животных, потом принялся разрывать старые могилы, после чего и люди стали пропадать.

– Я никого не видел, – процедил сквозь зубы Кроу.

– Тогда предложите мне хотя бы один веский довод не думать, что это вы.

Кроу поджал губы и промолчал, а я, кое-что вспомнив, снова не удержалась и поинтересовалась:

– А когда это началось?

Бенсон бросил на меня хмурый взгляд, но промолчал, и мне пришлось продолжить свою мысль:

– Когда вы задержали нас с Ламб... с профессором Рабаном, вы спросили у Мелисы, как давно мы появились в Замке Горгулий. Узнав, что я приехала в июне, а Рабан – на месяц раньше, вы нас отпустили. Потому что некромант появился еще раньше, так?

Я почувствовала на себе взгляд Колта, но не решилась по-

смотреть на него, предпочитая сфокусироваться на миллите. Тот после непродолжительной паузы кивнул.

– Разрытые могилы начали появляться весной, как только сошел снег.

– Тогда это не мог быть господин Кроу. Насколько я понимаю, его орден был разбит этим летом, тогда все и дали деру с Тумалона.

– Не факт, – возразил Бенсон. – Он мог почуять неладное и раньше. По нашим сведениям, последний раз на Тумалоне о нем слышали зимой, в начале года. К весне он уже мог быть здесь.

Я закусила губу, нервно притопывая ногой. Что-то все равно не давало покоя. Занозой сидело в мозге, настаивая, что это не мог быть Кроу. И наконец я вспомнила.

– Те люди на ярмарке...

– Какие люди? – поинтересовался Колт. Вероятно, кроме него, мое бормотание больше никто и не заметил.

– Я случайно слышала разговор о чьей-то собаке, – пояснила я уже громче и увереннее. – Один человек утверждал, что та еще прошлой весной сдохла, а другой возражал, что видел ее осенью у замка. Правда, псина была, по его словам, облезлая и худая. Она могла быть мертвой?

Бенсон опустил взгляд и не стал оспаривать мое свидетельство, что означало только одно: миллита и так подозревала, что некромант появился еще в прошлом году.

– Bravo, девочка, – усмехнулся Кроу. – Не зря я тебя спас.

– Вы меня бросили на произвол судьбы! – возмущенно возразила я, снова вспоминая, как он нырнул в люк, оставив меня с двумя мертвецами.

– Тебе на помощь уже шел другой.

Мое возмущение мгновенно превратилось в изумление, но уточнить, видел ли Кроу горгулью, мне не дали.

– Что ж, если господину Кроу больше нечего добавить, мы забираем его в управление, – заявил Бенсон, давая знак своим людям.

– Но почему? – удивилась я. – Он же ничего плохого не сделал, наоборот, действительно спас нас с ребятами!

– Он все еще разыскиваемый Тумалоном преступник, – напомнил Бенсон. – Мы обязаны передать его их властям.

Да, об этом я как-то успела забыть. А вот Кроу явно понимал, что все так закончится, поскольку совсем не удивился. Лишь посмотрел на меня и ободряюще улыбнулся, словно не хотел, чтобы я расстраивалась.

– Оно и к лучшему. Утомился я бегать, а раз Мортена мертва, то и никаких обязательств здесь у меня больше нет.

– Как и помощников, – вредным тоном добавил Бенсон. – Уведите.

– Постойте! – запротестовала я, когда Кроу уже поднялся, а миллиты из углов кабинета шагнули к нему. – Я еще хотела спросить.

– Спрашивай, – разрешил Кроу, как будто он здесь распоряжался.

Но Бенсон тоже не возражал, кажется, ему стало интересно, о чем именно будет мой вопрос, поэтому я решилась:

– Почему вы все еще умеете обращаться, а мы нет?

По тонким губам скользнула усмешка. Я уже думала, что он не ответит, но Кроу неожиданно повернулся ко мне спиной, отвел в сторону длинные волосы и оттянул ворот рубашки, демонстрируя основание шеи. На нем не было такого знака, как проявился у меня.

– Потому что мы не оборотни. Звериная – или в моем случае птичья – форма не наследуется по крови. Это лишь особый навык, который можно развить с помощью магии. Нас не затронуло то, что лишило оборота вас.

– А что это было?

Кроу поправил одежду и снова откинул волосы назад, но ко мне уже так и не повернулся. Лишь философски изрек, направляясь к двери:

– Кто знает?

Вместе с ним кабинет покинули и практически все миллиты, остался только капитан. Но и он поднялся из-за стола, освобождая законное место Колта. Впрочем, тот не торопился его занять.

– Не могу поверить, что у вас уже год под носом орудует некромант, а вы ни сном ни духом, и меня в известность не сочли нужным поставить, – проворчал отец, когда мы остались втроем.

– До вчерашних событий это оставалось на уровне подо-

зрений и опасений, – попытался оправдаться Бенсон.

– А как же тела, которые вы обнаружили в районе захоронения?

– Не было фактов, подтверждающих, что их поднимали. Все это могло быть ложной тревогой или намеренным введением в заблуждение. Бордему и замку только паники не хватало!

– Паника – это, конечно, плохо, но осведомленность об опасности спасает жизни, – парировал Колт. – Радуйтесь, что вчера обошлось без жертв, иначе вас снова понизили бы и сослали еще дальше.

– Дальше сослать уже некуда, – усмехнулся Бенсон. – Да и понижать тоже.

И как-то так спокойно это прозвучало, словно проблемы с карьерой его не волновали. Видимо, капитан был напрочь лишен честолюбия. Колт на это только неодобрительно покачал головой.

– И что дальше? – поинтересовался он, глядя на Бенсона уже иначе: без упрека, по-деловому.

– Будем искать, – пожал плечами тот. – Искать того, кто балуется некромантией, и того, кто убил Мортену Шелл.

– Вы считаете, что это два разных человека? – удивилась я. Мне до сих пор виделось, что исчезновение Мортены, ее возвращение с зомби на хвосте и убийство – звенья одной цепи событий.

– Надпись, сделанная на стене кровью девушки, говорит

в пользу этой версии. За грехи отцов ответят дети. Думаю, Мортену убил тот, кто имел зуб на ее отца. Возможно, кто-то, кому он навредил прежде, чем его... – Бенсон замялся, подбирая правильное слово, но в итоге его подсказал Колт:

– Устранили.

– Да, спасибо. Определенно это кто-то из замка: из студентов или преподавателей. В первую очередь под подозрение попадают все новички этого года, но нельзя исключать и тех, кто учился и работал здесь раньше. Убийца мог выжидать или собираться с мыслями. Не исключено также, что это дело рук того, кто просто ненавидит некромантов и недавно узнал о том, кем был отец госпожи Шелл. Ведь насколько я понимаю, это не афишировалось?

Бенсон вопросительно посмотрел на Колта, и тот кивнул.

– Да, по решению прежнего лорда Ардема, Патрика Рабана, имена вычисленных на его землях некромантов не предавались огласке, чтобы защитить семьи. Все дела были засекречены.

– Но все тайное рано или поздно становится явным, – глубокомысленно изрек Бенсон. – Кто-то мог выяснить правду об отце Мортены и решить, что справедливость требует такой извращенной жертвы. Не знаете, кто из студентов или преподавателей академии может настолько сильно ненавидеть некромантов?

– Вы имеете в виду, кроме меня? – с едва заметной усмешкой уточнил Колт. – Я потратил немало лет на их уничтоже-

ние и сделал на этом неплохую карьеру. Мне есть, за что их не любить.

– Полагаю, вас мы можем исключить из списка подозреваемых, господин директор, – серьезно заявил Бенсон. – Вы бы не стали убивать девушку, чтобы отомстить ее давно... устраненному отцу. Которого наверняка сами и устранили.

– Не лично, – сдержанно уточнил Колт. – Но, честно говоря, я не знаю, кто из студентов или преподавателей мог пойти на такое из мести или извращенного чувства справедливости. Но я присмотрюсь к обитателям замка.

Пока они разговаривали, я старательно прятала глаза, надеясь, что ко мне не пристанут с подобными вопросами. Ведь я одного такого человека знала, и мне совершенно не хотелось снова привлекать к нему внимание миллитов.

Глава 2

Из кабинета меня выпустили только после того, как я чуть ли не на крови поклялась никому и никогда не рассказывать о том, что услышала. И я, безусловно, собиралась все свои клятвы сдержать. Когда ко мне в первый же перерыв между парами пристали Марин и Влад, я так им и сказала, мол, на меня обрушится кара небесная, если хоть полслова скажу или даже просто намекну. Они огорчились, но настаивать не стали, заявив, что не хотят для меня неприятностей.

То, что друзья оказались такими понимающими и заботливыми, конечно, не могло не радовать. Но в то же время я жалела, что никто из них не заставил меня расколоться хотя бы хитростью. Потому что меня буквально разрывало от желания с кем-нибудь поделиться и обсудить все известное. Потому что сама я была почти уверена, что капитан Бенсон ошибается, считая, что некромант и убийца Мортены – это два разных человека.

Возможно, я пересмотрела полицейских сериалов в свое время, но мне казалось маловероятным появление двух злодеев в одном месте и в одно время. Таких совпадений не бывает! Да, сейчас выглядело так, что Мортену убил тот, у кого есть претензии к некромантам вообще или к давно почившему отцу бедняжки в частности. И я понимала логику Бенсона, считающего, что убийца не должен практиковать некро-

мантию сам. Но это был лишь один из возможных вариантов.

За грехи отцов ответят дети. Эту фразу можно было трактовать по-разному. Если бы убийца написал что-то вроде: «Смерть всем некромантам и их детям», вариантов оказалось бы меньше, но в данном случае грех отца не уточнялся. Может, он на стороне ребенка нагулял и бросил, а тот годы спустя решил таким образом отомстить нерадивому папаше. В этом случае ничто не мешает незаконнорожденному сыну – или дочери – практиковать некромантию.

Смущало меня и множественное число в кровавой надписи на стене. Оно заставляло думать, что Мортена – это только начало. И меня очень тревожило возможное продолжение. Почему-то казалось, что оно может коснуться Рабана. Ведь не просто так его пытались подставить! К тому же, его отца тоже убили, пусть и недавно, зато он определенно был связан с отцом Мортены. Как и мой отец, но он хотя бы жив, а значит и сам в состоянии ответить за любые свои грехи. Если только у неизвестного мстителя хватит духу за них с него спросить.

Я отвлекалась на эти мысли во время всех занятий, порой совершенно забывая записывать за лектором, но понимала, что сама мало до чего смогу додуматься. Требовалось больше информации, а я даже мир и его правила все еще знала плохо. Конечно, самым логичным было обсудить свои догадки с Колтом. Вот уж кто наверняка знал все, что нужно, и был в курсе происходящего сейчас, но почему-то казалось,

что папаша не оценит моего рвения.

Хоть я и держала язык за зубами, уже к обеду во всей академии знали о том, что ночью Мортену нашли убитой. Все искали взглядом Варга, но за столом волков его не оказалось, что само по себе виделось мне тревожным знаком. Рабан в столовой отчего-то тоже так и не появился.

Зато он нарисовался, стоило моим занятиям закончиться. Дракон буквально подкараулил меня в коридоре, как перед собственным арестом, воспользовавшись тем, что с лекций первого курса я обычно шла в одиночестве, поскольку не жила в общей башне.

– Что там с некромантом, которого задержали миллиты? – без предисловий поинтересовался Рабан, поравнявшись со мной в коридоре. – Я слышал, ты присутствовала на допросе. Это он? Он прятался в мертвых землях? Он похитил и убил Мортену?

– Он не некромант, – тихо процедила я, торопливо спускаясь по лестнице. Решила, что это не такая уж и тайна, и Рабану точно лучше знать, иначе натворит дел.

– А кто?

– Я не могу тебе ничего сказать, потому что обещала молчать! И даже если бы не обещала... Мне вообще не хочется с тобой разговаривать!

Я попыталась ускориться, чтобы оторваться от него, но проще было внезапно стать бестелесной и пройти сквозь стену. Оставалась надежда, что мне удастся скрыться в баш-

не Колта. Или хотя бы в своей комнате. А еще лучше будет встретить Мелису: уж на глазах у нее Рабан точно не станет приставать ко мне со своими расспросами. Только путь в башню предстоял неблизкий.

– Ника, послушай, это важно для меня, – тем временем и не думал останавливаться дракон. – И ты прекрасно понимаешь почему. Речь сейчас не идет о наших отношениях или чувствах!..

Резко затормозив, я развернулась к Рабану и гневно уставилась на него.

– То, что тебя совершенно не волнуют мои чувства, я уже поняла. Спасибо, можешь не напоминать!

Дракон не смутился и взгляд не отвел, лишь устало вздохнул и покачал головой.

– Я ведь совсем не это имел в виду...

Узнать, что именно он все-таки в виду имел, мне было не суждено: внезапно замаячившие за спиной Рабана волки полностью завладели моим вниманием. Выражение их лиц не сулило ничего хорошего, особенно настораживало присутствие Варга. Тот шел первым и выглядел крайне решительно и агрессивно.

Я оглянулась по сторонам и с тоской осознала, что из учебной части замка, где еще можно было встретить других студентов или преподавателей, мы уже ушли. Бежать за Колтом, надеясь найти его в кабинете, не имело смысла: слишком далеко, за время моего отсутствия успеет произой-

ти непоправимое.

Рабан заметил, что я начала испуганно озираться, глядя на кого-то за его спиной, и обернулся. Увидев волков, повернулся всем корпусом, то ли осознанно, то ли просто инстинктивно закрывая собой меня. Видимо, тоже почувствовал угрозу. Однако, когда он заговорил, голос его прозвучал совершенно спокойно:

– Господин Варг? У вас ко мне снова какие-то вопросы?

– О, да, профессор Рабан, – едко усмехнулся тот. На его бледном лице черные глаза с синяками бессонницы под ними смотрелись как бездонные провалы. А еще выделялись припухшие красные губы, словно он долго их кусал. – У меня есть к вам разговор.

Варг приближался к нам, сцепив руки за спиной. Лишь остановившись в паре шагов от дракона, опустил их по швам, демонстрируя в одной из них довольно крупный кинжал.

– Эй, ребят, давайте не будем терять голову, – нервно попросила я нарочито веселым тоном, словно надеялась свести все к шутке.

Впрочем, даже мне было понятно, что здесь никто не собирается шутить.

– Вам, госпожа Колт, лучше пойти к себе и сделать вид, что вас здесь не было, – тихо велел Варг, не отрывая взгляда от лица Рабана. – Что касается тебя, дракон, то все просто. Я требую поединка.

– Причина? – спокойно уточнил тот.

– Месть, – выплюнул волк. – За убитую возлюбленную.

Его приятели двинулись вперед, и мне сначала показалось, что они собираются напасть на Рабана все вместе. К счастью, возмутиться такой подлостью я не успела: волки всего лишь окружили противников, в процессе оттеснив меня в сторону.

– Для твоего же блага, – хмуро объяснил тот, что заставил меня отойти подальше.

– Это варварство какое-то! – возмутилась я, не зная, что еще сказать или сделать.

Снова бессильно оглянулась. Может, все-таки побежать за Колтом? А если его не будет на месте? Почему-то казалось неправильным оставлять Рабана здесь одного, хотя я объективно ничем не могла ему помочь. Разве что быть свидетелем, вынуждая волков играть честно. Если только это имело для них значение.

Впрочем, они явно имели представление о чести: один из волков подошел к Рабану и протянул ему такой же кинжал, какой держал Варг.

– Не нужно, спасибо.

– Если откажешься, это не обяжет отказаться от оружия меня, – напомнил Варг.

– Я знаю.

Волк, подносивший кинжал, лишь пожал плечами и вернулся на место. Мол, как хочешь, было бы предложено.

Варг поднял руки и чуть согнул колени, готовясь к нападению.

нию. Рабан остался прямым, как палка. Мне показалось, что он просто стоит и ждет, когда его проткнут острым лезвием. Мог ли он вдруг решить, что лучше уж так, чем и дальше жить изгоем? Мог ли отказаться от идеи отомстить за свою невесту?

Я непроизвольно затаила дыхание и прижала руки к лицу, слово готовясь в нужный момент закрыть ими глаза, чтобы не видеть происходящего.

Однако, когда Варг сделал первый выпад, Рабан проворно уклонился, не дав коснуться себя лезвием. Тем же закончилась и вторая атака, что заставило волка недовольно зарычать. Еще несколько выпадов – но ни один не нашел свою цель, Рабан лишь поднырнул под руки противника и выпрямился, уже оказавшись у него за спиной.

Варг развернулся и не выдержал, в отчаянии прокричав:

– Сражайся! Сражайся, трус, а не бегай от меня!

– Я не бегаяю, – пожал плечами Рабан. – Я здесь. Тебе просто надо быть быстрее.

Не знаю, понял ли Варг, а мне стала очевидна выбранная драконом тактика: он хотел снова разозлить противника, заставить его действовать менее осмотрительно, как тогда в столовой. И Рабану это удалось: следующие несколько атак волка оказались уже более стремительными, резкими, агрессивными. Дракону пришлось все-таки пустить в ход руки: он ставил блоки и даже несколько раз ударил Варга, чем еще сильнее раззадорил его.

Выпады в адрес Рабана стали яростнее, в один момент мне даже показалось, что лезвие его все-таки достало, но в следующее мгновение он перехватил руку Варга с зажатым в пальцах кинжалом, завел ему за спину, а самого ткнул лицом в стену. Волк болезненно охнул и замер, не пытаясь вырваться. Я не сразу поняла, что Рабан заломил ему руку так, что при любом неосторожном движении та могла быть сломана или как минимум вывихнута. И судя по болезненному стону, который Варг попытался скрыть за рычанием, дракон продолжал давить, пытаясь заставить противника бросить оружие. Возможно, по правилам местных поединков это означало признание поражения?

– Послушай, я знаю, что ты сейчас чувствуешь, – тихо сказал Рабан, явно обращаясь только к Варгу, но в повисшей тишине его слова были отчетливо слышны всем. – Я знаю, как это больно. И я не буду тебе врать: легче не станет. Во всяком случае, не скоро. Но убив меня, ты себе не сможешь. И ничего не исправишь. Мортену эту не вернет, твою боль не притупит, а справедливость не восторжествует, потому что я не имею к ее смерти никакого отношения. Я ее не убивал.

Тяжелое дыхание Варга, рвущийся из его губ болезненный стон неожиданно превратились во всхлип. Пальцы разжались, металлическое лезвие звякнуло, ударившись о каменный пол. Рабан моментально ослабил хватку и отступил на шаг, позволяя Варгу оттолкнуться от стены и уйти, но тот

сделал это далеко не сразу. Лишь сумев выровнять дыхание, он резко сорвался с места и бросился прочь, пристыженный очередным поражением. Или просто боялся показать другим свои слезы.

Ледяной комок страха в моей груди растаял, но вместо него ком появился в горле, на смену возмущению поведением волка пришло сочувствие. Видимо, он действительно любил Мортену. Впрочем, если Кроу не соврал насчет нее, то будущего у такой любви все равно не было.

Пришедшие с Варгом волки молча ушли, подобрав брошенный приятелем кинжал. Мгновения спустя в коридоре уже ничего не напоминало о только что состоявшемся поединке. Лишь Рабан привалился спиной к стене и осел на пол, обхватив себя руками, словно внезапно замерз. То ли короткая стычка все же его вымотала, то ли эмоции Варга напомнили ему о собственной потере, и это выбило его из колеи.

Я немного помедлила, думая, что лучше: уйти, пока есть такая возможность, или все-таки остаться и убедиться, что с драконом все в порядке. Как бы мне ни хотелось думать, что я злюсь и не хочу иметь с ним ничего общего, что-то внутри все равно настойчиво тянуло к нему. Поэтому я подошла и села на пол рядом, касаясь плечом его плеча.

– Ты как? – поинтересовалась тихо, не зная, что еще сказать.

Глаза Рабана были закрыты, затылком он прижимался

к холодному камню стены, поэтому в ответ лишь вяло дернул плечами. Нет, дело определено не в физической усталости. Пусть Варгу не удалось победить, своей болью он сделал больно и дракону: его рана раскрылась и снова начала кровоточить. Едва ли я могла ему помочь.

– Прости, – неожиданно тихо попросил Рабан.

Я настолько не ожидала услышать это сейчас, что не сразу поняла, о чем он.

– За ту ночь. И в большей степени – за утро. Я правда не хотел тебя оскорбить или... ранить. Просто запаниковал, когда ты буквально умирала у меня на руках. Я не мог этого допустить, должен был что-то сделать... А потом... Наверное, испугался. Вот и сбежал утром от разговора, убедив себя, что тебе надо поспать. И по той же причине не заходил к тебе после. Не знал, как посмотреть в глаза, как все объяснить. Это было недостойное мужчины поведение. Особенно мои слова после... Перед тем, как меня арестовали... В общем, это было недостойно вдвойне. Ты в праве на меня злиться.

Да, я была в праве, но сейчас не могла. Злость куда-то делась. Сначала уступила место страху за него, а теперь, вероятно, и вовсе сбежала, оставив вместо себя лишь легкое разочарование.

– Извинения приняты, – улыбнулась я. И немного вредным тоном добавила: – Только не надо делать вид, что ты меня от безысходности... спасал, буквально через силу. По-

тому что я не так все это запомнила.

Рабан сначала улыбнулся, а потом тихонько рассмеялся, явно пытаясь скрыть смущение. Выглядело это до того мило, что я простила бы его в ту же секунду, если бы не успела простить чуть раньше.

– Нет, не через силу, конечно, – признал он. – Полагаю, для нас обоих это было взаимно приятно. Но у меня и в мыслях не было оскорблять тебя положением... игрушки.

– Тогда чего полез целоваться? – продолжила я тем же немного шутливым тоном, хотя вопрос действительно меня волновал.

Он открыл глаза, посмотрел на меня и вздохнул.

– Сам не знаю. Сначала разозлился, когда узнал, что ты ночью учудила. Испугался, ведь тебя могли убить. Пошел к тебе, чтобы вправить мозги и заодно убедиться, что ты действительно в порядке. Когда увидел тебя, обрадовался. А потом вдруг ты оказалась так близко и...

Он замолчал, беспомощно пожав плечами.

– Дальше как-то само все вышло. Не буду отпираться: ты мне нравишься, Ника. Честно говоря, меня тянет к тебе с первой встречи. Поэтому я согласился на твое предложение помочь с проникновением в закрытую часть замка. Поэтому позвал с собой в мертвые земли, наплевав на опасность. Мне хорошо рядом с тобой. Но это только все усложняет.

– Да помню-помню, – вяло отмахнулась я, мгновенно теряя напускную веселость. – Низкородная горгулья, еще и не

девственница...

– Я сейчас не об этом, – неожиданно эмоционально перебил Рабан. – Дело вообще не в тебе, а во мне. Это я тебе не подхожу, а не ты мне.

– Ты о чем? – растерялась я.

Он снова прижал затылок к стене и прикрыл глаза, словно собирался с мыслями – или с духом, – чтобы объяснить.

– Арина была не просто моей невестой. Она была моей парой.

Когда я никак не прореагировала на это заявление, он пояснил:

– Истинной парой.

Мне это вновь ни о чем не сказало, но я попыталась предположить:

– Это типа... родственная душа? Вторая половинка?

Рабан искоса посмотрел на меня, кажется, тоже не понимая, о чем я.

– У нас считается, что для каждого дракона рождается истинная пара – идеально подходящий ему другой дракон. Не всем удается ее встретить, но что гораздо хуже – вас может разлучить смерть, как это произошло с нами. Но если этого не случится, то двое будут счастливы вместе всю жизнь. Идеальная совместимость, полное взаимопонимание. Знаешь, как бывает? Сначала двое вроде любят друг друга, а потом проходит время, они меняются и оказываются чужими. С истинной парой такого не происходит. Двое, конечно,

меняются с годами, но всегда – в одном направлении. Как в танце: куда один – туда и другой. И больше никто им не нужен.

– То есть это такая гарантия счастливой совместной жизни? – уточнила я. – Какая скуотища...

Судя по тихому смешку, моя реакция его позабавила.

– Нет, это совсем не скучно, поверь.

– И как вы понимаете, что кто-то ваша пара, а не просто временная влюбленность?

– Есть особый ритуал. Он проводится, когда двое заинтересованы друг в друге. Если в процессе вспыхнет пламя, значит, они истинная пара. Тогда долго не ждут – объявляют помолвку, которая обычно тоже не длится долго. У нас с Ариной пламя вспыхнуло.

– То есть... вы были едва знакомы? – уточнила я с сомнением.

Рабан кивнул.

– В таких случаях нет смысла тратить время на то, чтобы узнать друг друга. Связь возникает моментально, в сердцах вспыхивает огонь, а когда появляется подтверждение ритуала, то и думать нечего.

Это звучало весьма занимательно, но я понимала, что у такой... «системы» должно быть какое-то очень большое «но».

– А что происходит, если *истинную пару* разлучает смерть? – осторожно поинтересовалась я.

– Огонь гаснет, – мрачно заявил Рабан. – И тот, кто остал-

ся жить, отныне может только бессмысленно тлеть.

– Не понимаю, что это значит, – призналась я. – Ты ведь... не умрешь из-за этого, правда?

Кажется, в тот момент такая перспектива пугала меня больше всего. И когда Рабан вновь покачал головой, от сердца отлегло.

– Нет, не умру. Я даже могу, как ты наверняка заметила, быть с другими женщинами. Могу жениться, чего и хотел от меня отец, когда Арины не стало. Но уже не могу влюбиться. Понимаешь, пока дракон не встречает предназначенную ему пару, он может влюбляться, строить отношения, быть счастлив. Без гарантий, но по крайней мере какое-то время. Если брак распадется или с кем-то из супругов что-то случится, ничто не мешает попытаться снова. Пару можно никогда не встретить. Например, ходить по свету, не пересекаясь. Или один дракон не доживет до встречи с другим. Но если уж встреча состоится и пламя вспыхнет, то пути назад нет. Пока вы живы, оно не погаснет, но если один умрет, то у другого уже никогда ничего не разгорится. Такова цена. Это и благословение, и проклятие.

– Подожди, но если тебя тянет ко мне... – осторожно попыталась возразить я, боясь признаться вслух в том, что меня к нему тоже. На мой взгляд, это выглядело как взаимность, но дракон, очевидно, смотрел на это иначе.

– Всего лишь влечение, ведь потребности тела остаются, – пояснил он. – Возможна симпатия, взаимное уважение. Тле-

ющие все равно вступают в отношения и браки. Моя мать, например, была такой. Они с отцом не были парой, потому что ее пара погибла. Но он был влюблен в нее, и она согласилась выйти за него замуж. Но им было нелегко. Он ее любил, она его терпела. Наверное, поэтому никогда не была привязана ко мне, как обычно бывает привязана мать к своим детям. Когда мне исполнилось шестнадцать, она просто ушла. Незадолго до этого унаследовала небольшой дом, потребовала развод, собрала вещи и ушла. Даже когда отца убили, а меня обвинили в его смерти, не появилась.

Он замолчал, тяжело сглотнул и тихо добавил:

– Такие отношения – нечестная сделка, понимаешь? Нечестная, прежде всего, в отношении того, чье пламя еще горит. Поверь, тебе не нужен тот, кто теперь способен только тлеть. Ты заслуживаешь большего, Ника.

Наши взгляды снова встретились, и я поняла, что Рабан читает меня как открытую книгу. Мои чувства к нему он понял раньше, чем я сама. Быть может, поведение в стиле высокомерного засранца отчасти было лишь игрой? Способом... погасить разгорающееся во мне пламя, если использовать его собственные метафоры. Во всяком случае, сейчас я не видела в Рабана никакого высокомерия.

А меня саму по-настоящему штормило, две привычки тянули в разные стороны и грозили разорвать пополам. С одной стороны, хотелось спрятать боль в спасительной злости: сорваться на Рабана, наговорить каких-нибудь гадостей.

С другой – бунтовал дух противоречия, хотелось заявить дракону, что все его убеждения – не больше, чем глупые суеверия, что человек сам творец своего счастья, что все проходит – и неземная любовь, и невыносимое горе.

– Ладно, – наконец выдохнула я, так и не сумев выбрать между реакциями и решив взять небольшой тайм-аут. – Спасибо, что потрудились нормально объяснить, я все поняла... Ну, не все, но... хоть что-то.

Я проворно вскочила с пола, полагая, что доверительный разговор окончен. Вопросительно посмотрела на Рабана, ожидая, что он тоже встанет и продолжит расспрашивать о Кроу, но дракон не двинулся с места. И если задуматься, сейчас он выглядел даже немного хуже, чем сразу после стычки с Варгом. Как минимум, бледнее.

– Ты тут останешься? – удивилась я.

– Не хотелось бы. Боюсь, мне понадобится твоя помощь, – слабо улыбнулся он. – Кажется, эта блохастая шавка меня все-таки задела...

С этими словами Рабан вытащил левую руку из-под пиджака, и я поняла, что все это время он не обнимал себя, а зажимал рану на правом боку: его ладонь оказалась в крови.

Мои глаза расширились от ужаса, и я не удержалась от возмущенного возгласа:

– Чего же ты молчал?!

Глава 3

Первую помощь я оказала Рабану там же, в коридоре. Конечно, под его чутким руководством, поскольку сама не знала ни одного заклятия для остановки кровотечения. Он же, напротив, оказался неплохо подкован в магической медицине, но необходимые заклятия требовали заметного расхода энергии, что в его браслетах и со свежей раной было проблематично.

Когда кровь остановилась и мне удалось немного успокоить боль в поврежденном месте, я помогла Рабану подняться и проводила его в кабинет лекаря. Дракон утверждал, что справится сам, но я только раздраженно шикнула на него:

– Не спорь! Не молчал бы так долго, что с тебя целая лужа крови натекла, я бы еще подумала. А так не хватает, только чтобы ты по пути рухнул в обморок и помер.

Рабан лишь улыбнулся, покорно позволяя взять себя под руку. Понимал: я ворчу и суечусь, потому что в глубине души мне страшно. И должна заметить, лекарь тоже всполошился, когда увидел пятно крови на разрезанной ножом рубашке.

Конечно, я наотрез отказалась уходить из кабинета, пока рана не будет обработана. Уж не знаю, почему никто не стал со мной спорить. Возможно, у Рабана не было сил, а у лекаря – времени. Последний лишь отгородился от меня ширмой

и велел пациенту снять рубашку.

В итоге все оказалось не так страшно. Каких-то пять минут спустя лекарь уже выглянул из-за ширмы и даже похвалил меня за грамотно остановленное кровотечение.

– Я сейчас вернусь, подождите меня здесь, – попросил он следом и исчез за дверью.

Мы с Рабаном вновь оказались наедине, разделенные плотной тканью ширмы.

– У вас, драконов, наверное, очень мощное домашнее обучение, – предположила я, просто чтобы не молчать и случайно не вернуться к обсуждению темы отношений. – Мне говорили, что вы не учитесь в академиях, но ты столько всего знаешь...

– Открою тебе страшную тайну, – отозвался Рабан, шурша одеждой. Вероятно, надевал рубашку. – Мы не так уж много изучаем самостоятельно. Накопленная мудрость поколений рода передается нам в процессе особого ритуала, после чего хранится в голове до тех пор, пока не понадобится.

– Да вы просто читеры, – хмыкнула я. – И, кажется, у вас есть ритуалы на все случаи жизни.

– Я не всегда уверен, что понимаю тебя правильно, – признался Рабан. – Почему-то магия общего перевода в случае с тобой иногда работает странно. Но у нас действительно много полезных ритуалов. Знания о них тоже хранятся в накопленной мудрости поколений.

С этими словами он вышел из-за ширмы, выглядя уже

куда более здоровым. Если бы не огромное кровавое пятно на рубашке, которую он не стал заправлять в брюки, трудно было бы предположить, что его совсем недавно ранили. Хотя двигался он все же осторожнее, чем обычно.

– А мудрость поколений не учит вас удалять пятна с одежды? – насмешливо поинтересовалась я. – Если нет, то я могу попробовать. Хотя с такими масштабами еще не имела дела.

– Не надо тратить силы, я ее просто выброшу.

Он протянул руку за пиджаком, который все это время был у меня, но я не торопилась его отдать.

– Уже не болит? – поинтересовалась я, кивая на его пострадавший бок.

– Немного. Магия неспособна излечить сразу, только ускорить естественный процесс заживления. Еще пару дней поболит, но со временем, надеюсь, даже шрама не останется.

Я нахмурилась, понимая, что в голове кое-что не стыкуется.

– А как много времени понадобится?

Рабан слегка растерялся, опустил руку, так и не дождавшись пиджака, и пожал плечами.

– Чтобы совсем исчезло? Недели две, наверное. А что?

– Да так... Пытаюсь вспомнить, были ли какие-то заживающие раны у Мортены, когда она вернулась в замок. Ведь крови после ее исчезновения было много. В коридоре, на твоей рубашке. И на пиджаке. А еще на ее платье. И миллиты подтвердили, что кровь ее. Как, кстати, они могли это

сделать?

Рабан задумался нахмурившись. Вероятно, вытаскивал нужные знания из накопленной мудрости поколений.

– Для уверенности им потребовался бы образец для сравнения, но специальные зелья могут помочь определить, кому принадлежит кровь – мужчине или женщине. И примерный возраст.

– Значит, как минимум кровь принадлежала девушке примерно того же возраста, но вполне возможно, что действительно Мортене, – пробормотала я. – Оставлена эта кровь была специально, чтобы тебя подставить, саму Мортену для этого если и ранили, то не сильно, и потом все профессионально залечили.

– По-моему, мы уже приходили к выводу, что меня пытались подставить, – напомнил Рабан.

– Я просто хочу понять, сколько у нас все-таки злодеев, – смущенно улыбнулась я. – Бенсон считает, что в округе есть некромант, который уже как минимум год изучает и практикует эту науку. Он, по его мнению, ответственен за нападение мертвецов. Логично предположить, что он же похитил Мортену, чтобы подставить тебя. И это был не тот мужик, которого мы почти поймали в мертвых землях и который нарисовался рядом с замком во время атаки мертвецов.

– Это точно? – усомнился Рабан.

– Миллиты ему поверили, – пожалала плечами я. – Он оказался зельеваром и беглым тумалонцем. Из ордена тех самых

псов, о которых ты рассказывал. Карл Кроу.

– Кроу? Да, я слышал о нем. Великолепный мастер в своем деле. Значит, он прятался здесь от властей Тумалона?

– Да, Мортена ходила к нему: носила еду и все, что ему требовалось, а он взамен варил зелье, способное утолить ее жажду крови...

Брови Рабана удивленно подпрыгнули вверх, но я лишь махнула рукой и призналась:

– Я не до конца поняла. Это как-то связано с тем, что в детстве она болела, умерла, а потом ее оживили...

– Так... – не слишком уверенно отозвался Рабан, а я продолжила:

– По мнению того же Бенсона, в итоге Мортену убил кто-то, кто некромантов ненавидит, потому что ее отец был некромантом. Отсюда надпись на стене.

– Отец Мортены был некромантом? – удивился Рабан.

– Так ведь он сам ее и оживил, когда она умерла. Ты не знал? – слегка прищурившись, поинтересовалась я.

– Откуда? – Дракон беспомощно развел руками.

– Это хорошо. Потому что иначе стоило бы назначить тебя первым подозреваемым.

– С чего вдруг?

– А кто заявлял, что собирается убить всех из этого проклятого племени? – напомнила я.

– Некромантов – возможно, но не их детей, – оскорбленно фыркнул Рабан. – Какой в этом смысл? Я бы скорее на-

целился на ее отца.

– Его давно убили, – отмахнулась я. – Но смотри, что получается. Тот, кто похитил Мортену, пытаясь подставить тебя, не хотел ее убивать, только имитировать убийство. Значит, Бенсон прав: злодеев двое?

Рабан снова задумался, на этот раз даже рассеянно потер лоб рукой, как будто это помогало ему стимулировать мысли. Наконец он покачал головой и заявил:

– Все зависит от того, было ли задумано столь скорое возвращение Мортены. Если это часть плана вместе с преследованием мертвецами, то да, злодеев двое. А если она сбежала или вернулась вопреки договоренностям, то злодей может быть один. И ему пришлось убить Мортену, чтобы она не выдала его.

– Да, возможно, – кивнула я. И улыбнулась. – Вот поэтому у нас говорят, что одна голова хорошо, а две – лучше. И у всех детективов есть напарники.

Рабан задержал взгляд на моем лице, возвращая улыбку, но ответить ничего не успел: дверь в кабинет распахнулась, но на пороге вместо лекаря появился Колт. Кажется, нас сдали директору.

– Так-так, – выдохнул он, сначала скользнув взглядом по Рабану, потом по мне и в итоге остановив его на пиджаке в моих руках.

Я тут же поторопилась отдать его хозяину, а тот, в свою очередь, надеть.

– Директор Колт, – поприветствовал Рабан легким кивком.

– Профессор Рабан, – в тон ему ответил отец, изобразив такой же кивок. – Знакомая ситуация, не находишь? Опять ты весь в крови, а моя дочь, – он перевел взгляд на меня, – где-то рядом. Кажется, я уже видел это ночью.

– В этот раз обошлось без трупов, а кровь – моя, – с едва заметной улыбкой парировал Рабан.

– И на том спасибо, – фыркнул Колт.

– Пожалуйста, – буркнула я, чем заслужила выразительный взгляд с оттенком осуждения.

– Не хотите рассказать, что произошло? Как ты умудрился пораниться? Надеюсь, это не Ника всадила тебе нож в бок?

– Ты совсем, что ли! – возмутилась я, но заметив, что Колт кривит губы в ухмылке, расслабилась и лишь махнула рукой.

– С тебя стало бы, – заметил тем временем отец и снова пытливо посмотрел на Рабана. – Итак?

– Я бы предпочел не распространяться о произошедшем, – заявил дракон.

– Предлагаешь мне просто проигнорировать тот факт, что кто-то напал на одного из моих преподавателей прямо в стенах академии и ранил его? Не думаю, что могу это сделать. Особенно если напал на тебя студент. За такое предполагается как минимум отчисление.

– К академии произошедшее не имеет никакого отношения, – заявил Рабан. – И это было не нападение, а честный

поединок...

– Всем прекрасно известно, что поединки в стенах академии запрещены, – перебил Колт строго. – Кто это был? Варг?

Рабан замер, не говоря ни «да», ни «нет». Просто спокойно смотрел Колту в глаза, давая понять, что свидетельствовать против Варга не станет. Тогда отец снова перевел взгляд на меня и поинтересовался:

– Ну а ты что скажешь? Очевидно, ты там была.

Я лишь пожала плечами, бросив на Рабана быстрый взгляд.

– Ничего не видела и не слышала. Я нашла профессора уже раненым и просто помогла добраться до лазарета.

– Ясно, – хмыкнул Колт, неодобрительно покачав головой. – Что ж, надеюсь, Варг не слетит с катушек окончательно и вам не придется пожалеть о своем молчании, когда он навредит кому-нибудь еще. Иди к себе, Ламберт. Тебе нужно восстановиться. А ты останься! – добавил он, едва я повернулась к выходу, собираясь последовать за Рабаном.

Дракон задержался у двери, оборачиваясь и бросая на меня ободряющий взгляд через плечо, чем вызвал невольную улыбку, которая наверняка не укрылась от Колта. Странно, но после разговора в коридоре мне все-таки стало легче, словно откровенное признание Рабана в том, что я ему нравлюсь, но он никогда не сможет меня полюбить, в итоге успокоило. Хотя сначала слова причинили боль.

Мне хотелось подумать об этом подробнее, разобраться

в противоречивых чувствах, но присутствие Колта не располагало.

– Если ты думаешь, что наедине я изменю показания... – с вызовом начала я, но осеклась, когда Колт лениво махнул рукой.

– Если ты думаешь, что мне нужны твои показания, чтобы принять меры в отношении Варга, то ты меня все еще плохо знаешь.

– Вот с этим даже спорить не буду, – буркнула я, инстинктивно скреживая руки на груди. Чего он хочет вообще? Если опять начнет песочить мне мозг на тему ненадежности Рабана как кавалера...

– У меня к тебе предложение, – огорошил Колт прежде, чем я успела решить, как буду реагировать. И тут же добавил, сбив с толку еще больше: – Даже, скорее, просьба.

– Какая? – нахмурилась я, ожидая подвоха.

– Поужинай со мной в пятницу.

– Я думала, ты отказался от практики семейных ужинов, – нахмурилась я, пытаюсь угадать, что он задумал.

– Это будет не семейный ужин. Но и не званый, так что никаких строгих требований к одежде. Просто... дружеские посиделки.

– Дружеские? – удивилась я. – В смысле... У тебя что, есть друзья?

– У меня их немало, но будут только достаточно близкие, – заверил Колт с усмешкой. – Всего один ужин, Ника.

Это ведь не так сложно, правда? Будем считать, что это услуга за услугу.

– За какую услугу?

– Я же разрешил тебе присутствовать при допросе Кроу.

Вот теперь все встало на свои места и обрело смысл. Я даже улыбнулась. Теперь понятно, чем объяснялась его утренняя щедрость. Но пожалуй, это было справедливо. И если уж заглянуть в себя и быть честной, то я была совсем не против того, чтобы провести с отцом вечер пятницы. Я ведь и сама совсем недавно думала о том, чтобы предложить ему совместный ужин. Кажется, я... скучала по ним.

– Ладно, договорились, – легко согласилась я, стараясь, впрочем, не выдать того, то для меня это не было ответным одолжением. А то еще решит, что я остаюсь ему должна. И мало ли что попросит в следующий раз.

Глава 4

Остаток учебной недели пролетел с головокружительной скоростью, я и опомниться не успела, как наступила пятница. Академия потихоньку приходила в себя после трагических событий, но большинство разговоров все еще сводилось к обсуждению случившегося с Мортеной и нападения мертвецов. Слухи о появившемся в округе некроманте множились и обрастали все более фантастическими подробностями, но убийство в стенах замка вызывало еще больший трепет. Большинство студентов соглашались с официальной версией следствия, что некромант и убийца – разные люди, хотя подробности о том, кем были Мортена и ее отец, в массы не просочились. Никто не знал и о надписи на стене, поэтому в случившемся усматривали бытовую трагедию на почве любви и ревности.

Те немногие, кто все же связывал личность убийцы с неизвестным некромантом, придерживались версии, что он каким-то образом проник в замок, воспользовавшись ночной суматохой или изловчившись днем. И эту вероятность тоже нельзя было сбрасывать со счетов.

Миллиты продолжали свое расследование, время от времени допрашивая кого-то из студентов и преподавателей, но судя по отсутствию более активных действий, реальных подозреваемых у них не появилось. Что было весьма стран-

но, на мой взгляд: в Замке Горгулий живет не так много людей, наверное, и двух сотен не наберется, если считать стражу, неужели так трудно всех проверить? Потом я вспомнила, что нахожусь в мире, где нет ни электронных баз данных, ни соцсетей, а Большой Брат не следит за всеми подряд. Здесь, наверное, не так сложно сменить имя и стать совершенно другим человеком, никто никогда и не узнает, что у тебя или кого-то из твоих родных был конфликт с Амантом Шеллом.

Колт усилил меры безопасности, обязав стражу по ночам патрулировать не только замковую стену, но и коридоры жилой части здания. Студенты, разволновавшись, принялись делиться друг с другом заклетьями, запирающими двери. Я тоже наложила парочку на свою.

О поединке Рабана и Варга никто так и не узнал. Во всяком случае, я не слышала разговоров об этом. Когда через день стало известно, что волк покинул академию, одни сочли это нежеланием оставаться в замке, где слишком многое напоминало о потере, другие заподозрили попытку сбежать от правосудия. Да, некоторые подозревали, что Ворг собственноручно убил Мортену в порыве болезненной страсти.

Практическое занятие по мертвым языкам в нашей группе прошло в очень узком кругу. Рабан продолжал делать вид, что ему все равно, но это наверняка было не совсем так. Многие шептались, что Мортену все-таки убил он, потому

что та ему отказала. Бенсон, как ни странно, популярное мнение не разделял. У меня закралось подозрение, что он специально не торопится с расследованием и выводами, чтобы иметь основания бывать в замке и видеться с Мелисой.

Рабан больше не приставал ко мне с расспросами или разговорами. Очевидно, узнал все, что ему требовалось, и сказал все, что хотел, поэтому снова держал дистанцию. Я все еще не до конца понимала, что чувствую из-за всего случившегося и сказанного, но мысль отказаться от мертвых языков пока отбросила.

По вечерам, оставаясь наедине с собой, я думала не о драконе, а о горгулье. Об огромной жуткой горгулье, что на моих глазах покрошила мертвецов за считанные секунды. Я думала о ней и вспоминала мертвых парней, рядом с которым очнулась тогда. В переулке было темно, а я пребывала в шоке, но мне запомнились жуткие раны на их телах. Глубокие, рваные. Словно следы огромных когтей...

Могла ли та горгулья появиться в моем мире, чтобы спасти от нападавших? Если да, то откуда? Кто она? Или он? Или все это лишь игры моего разума, и сейчас я придумываю то, чего на самом деле не было, чтобы подогнать воспоминания под появившееся подозрение?

От мыслей кругом шла голова, и я убеждала себя, что нужно снова поговорить с Колтом. Возможно, в понедельник он не воспринял мои слова всерьез, и стоит попробовать объяснить все еще раз?

В пятницу в оговоренное время я стояла у знакомой двери, с удивлением понимая, что слегка волнуюсь. Рука машинально скользнула по волосам, которые сегодня я потрудилась собрать в аккуратный хвостик, а не завязала как обычно, то есть как получится. В украшениях, конечно, изменять себе не стала, но из приобретенных вместе с Мелисой туник выбрала ту, что выглядела понаряднее. Запоздало задумалась, не стоило ли надеть что-то другое. Вот почему не уточнила у Мелисы, в чем у горгулий принято приходить на такие «посиделки»?

Пока переживала и не решалась толкнуть дверь или хотя бы постучать, приглушенно скрипнули петли другой двери, привлекая мое внимание. На пороге комнаты, в которой я никогда не была, появилась Мелиса со своей обычной улыбкой на губах.

– Привет. Иди сюда, мы сегодня ужинаем здесь, – помянула она.

Я немного удивилась, но, конечно, пошла и все поняла, едва переступив порог. Комната, в которой мы обычно ужинали вдвоем или втроем, походила скорее на небольшую гостиную с круглым столом на четверых. Сейчас же мы оказались в более просторной столовой с длинным прямоугольным столом, за которым могло поместиться не меньше десяти человек. Двенадцать, как вскоре выяснила я, сосчитав тарелки и стулья. Потому что сосчитать ожидающихся ужина гостей было не так просто.

Прежде всего, мой взгляд выделил из собравшейся компании знакомые лица. Встретившая меня Мелиса и сам Колт – это понятно, их я ожидала увидеть, но, кроме них, я знала еще по меньшей мере четверых. Не по именам, но в лицо: три парня и одна девушка определенно учились в нашей академии. Я замечала их в коридорах и в столовой. Еще одну девушку я точно видела впервые, но она и выглядела слишком юной, чтобы быть студенткой: я бы не дала ей больше пятнадцати-шестнадцати лет. Остальные гости были взрослыми мужчинами, которых я, конечно, раньше не встречала.

Меня порадовало то, что Мелиса и обе девушки оказались одеты примерно так же, как и я. Ребята тоже недалеко ушли, но верхняя часть их облачения была не такой длинной, как у нас. А все взрослые мужчины, как и Колт, носили некое подобие темного плаща из мягкой ткани. Оно не застегивалось, поскольку вообще не имело пуговиц или иных застежек, и немного отличалось длиной: у одних едва доставало до коленей, у других доходило почти до середины икр.

Вскоре я узнала, что это за люди и почему именно они сегодня здесь собрались. Колт представил мне сначала мужчин: те оказались его прежними сослуживцами. И, конечно, все они были горгульями. На ужин также позвали их детей, учившихся в академии, а с одним из мужчин приехала дочь, чтобы навестить брата. Ей до обучения в академии оставалось еще как минимум два года.

Меня Колт не представил, и я попыталась сама назвать

свое имя, но один из друзей отца – кажется, его фамилия была Линт – широко улыбнулся и заметил:

– Мы знаем, как тебя зовут. Присутствовали на твоём представлении. Надеялись познакомиться поближе тогда, но...

Он развел руками, а я смутилась, вспомнив разразившийся на балу скандал, и невольно опустила глаза.

– Но это даже хорошо, что не удалось тогда, – нарочито бодро заметил другой приятель отца, Морн, явно стараясь сместить акценты. – Энгард не так часто приглашает в гости.

– Жаль, конечно, что нашу встречу омрачают недавние события, – вздохнул Линт, серьезно посмотрев на Колта. – Но я рад, что ты не стал ее отменять.

– Жизнь постоянно омрачают те или иные события, – заметил Колт. – Это лишь напоминает нам о том, что она слишком коротка, чтобы останавливать ее. Давайте же приступим к ужину, раз все собрались.

Он, конечно, занял место во главе стола, в другом торце села Мелиса. Как бывшая жена, очевидно. Меня отец усадил по правую руку от себя. По левую сел Линт-старший, рядом с ним – его дочь Рика, которую он привез с собой. Ее брат – Редек – сел рядом со мной. Поэтому этих троих я запомнила лучше всего.

Неловкую для меня тему бала больше не упоминали, так что через несколько минут мне удалось расслабиться, сбросить смущение и включиться в общую беседу.

Информации было много, какие-то детали я наверняка упускала, но в целом все запомнила. Старшие мужчины, в том числе Колт, знали друг друга примерно всю жизнь, некоторые были соседями, но вместе их всех свела война с некромантами. О том времени они предпочли не вспоминать, но, например, с Линтом и Морном Колт служил и после войны. Двое других службу довольно быстро оставили, вернувшись в родовые поместья, чтобы восстанавливать их. Сын Морна был самым старшим, учился на последнем курсе и недавно обручился с Анникой – единственной приглашенной сюда студенткой (кроме меня, конечно). Та училась на одном с ним курсе, но была почти на год младше. Они собирались пожениться, как только закончат учебу.

В процессе обсуждения я поняла, что мы пятеро – единственные студенты-горгульи во всей академии.

– А почему так мало? – удивилась я, вопросительно поглядывая то на Колта, то на Линта. – Мы ведь в землях горгулий, так? Разве их здесь не должно быть больше?

Кажется, мой вопрос спровоцировал некоторую неловкость. Во всяком случае, ответили мне не сразу, сначала мужчины обменялись не слишком веселыми взглядами. В итоге первым заговорил Редек:

– Нас вообще осталось мало. И многие предпочитают учиться поближе к столице или хотя бы подальше от границы.

– А почему ты решил учиться здесь? – поинтересова-

лась я.

Редек улыбнулся и посмотрел на отца.

– Наши предки учились здесь, наши земли находятся рядом. И я еще в детстве слышал от отца про Замок Горгулий. Хоть та история и была жуткой, желание однажды оказаться здесь она мне не отбила.

– Правда? А что за история?

Я перевела вопросительный взгляд с Редека на его отца, а потом и на своего. Колт продолжал вежливо улыбаться (а я за все время не видела, чтобы он столько улыбался, как этим вечером), но взгляд его стал жестче. Кажется, он был крайне недоволен словами Редека. Или просто упомянутая история была еще одним неприятным воспоминанием, которым ему не хотелось бы ни с кем делиться.

– Она довольно грустная и совершенно не застольная, – нарочито весело ответил Линт-старший. – Но у меня есть другая, куда более занимательная...

* * *

Вечер получился весьма приятным и местами даже забавным, хотя в прежней жизни последние несколько лет я недолюбливала подобные стариковские сборища. Особенно когда друзья дяди и тети приводили своих детей и от нас требовалось веселиться вместе, хотя у нас не было общих интересов, а порой мы даже не знали друг друга. Здесь же ни-

кто не делил компанию на «взрослых» и «детей». Мы все были горгульями – и это, с одной стороны, нас объединяло, с другой – отличало от остальных. Даже Мелиса одновременно была с нами, но не одной из нас. Очень странное чувство, которое я не могла пока в полной мере осознать.

Редек оказался милым и обходительным парнем. Он старательно улыбался мне и иногда многозначительно краснел, а наши отцы в такие моменты не менее многозначительно переглядывались, думая, что я не замечаю. У меня сложилось стойкое впечатление, что Редек Линт – кандидат номер «один» в списке потенциальных женихов, который составил Колт. И когда через пару часов все гости разошлись по приготовленным для них в замке комнатам, я не постеснялась поинтересоваться:

– Что это было, Энгард? Ты решил заняться сводничеством?

Колт, едва закрывший дверь за Мелисой, которая ушла последней, только выразительно выгнул бровь и вернулся к столу, собираясь налить себе еще вина из небольшого кувшина. Замер, вопросительно глядя на меня, но я помотала головой и заявила:

– Нет, с меня хватит! С недавних пор я решила не злоупотреблять алкоголем.

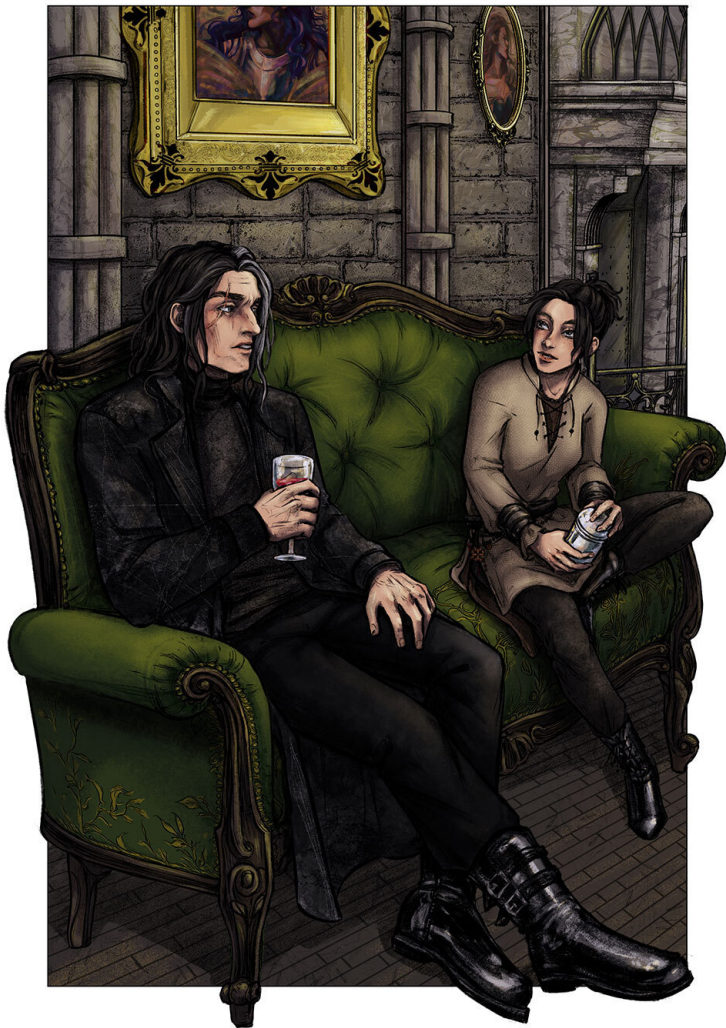
Колт одобрительно хмыкнул и налил только себе. Я предпочла стащить со стола дополнительную порцию сливочно-шоколадного мусса в небольшом прозрачном стаканчи-

ке, пока домовые все не убрали. В конце ужина нам подали несколько вариантов десертов, поэтому каждого осталась добавка.

– Никакого сводничества, – наконец ответил Колт.

Вновь садиться за стол он не стал, предпочел переместиться на небольшой диванчик у стены. Откинулся на его спинку, позволяя себе чуть ссутулить плечи, подложил под бок подушку и с явным удовольствием вытянул длинные ноги, скрестив их в лодыжках. Кажется, в моем присутствии Колт впервые вел себя так расслаблено. Возможно, потому что за ужином выпил больше вина, чем обычно. Или общение с приятелями так на него повлияло.

После недолгого колебания я встала и присоединилась к нему, с удовольствием подкладывая под себя одну ногу. Честно говоря, необходимость сидеть «по-человечески», как называла это тетя, мучила меня весь вечер. Оставалось надеяться, что я не уроню мусс на диван: с обивки даже магией бывает непросто вывести пятно.

– Я лишь хотел, чтобы ты познакомилась с другими горгульями и по возможности больше с ними общалась, – продолжил тем временем Колт. – К сожалению, на твоём курсе нет ни одного из нас, как и на втором, где ты уже нашла себе друзей. Но теперь, когда вы познакомились, думаю, у вас будет больше поводов хотя бы разговаривать иногда или даже проводить вместе время. Это пойдет тебе на пользу.

Он не сказал вслух, но в его словах угадывался намек: меньше будешь зависеть с одним известным нам драконом. Что ж, учитывая, в каких ситуациях отец нас заставлял, трудно было его винить за подобное желание. Хорошо хоть он не в курсе, что мы переспали. Ну... Надеюсь, он не в курсе.

– Кажется, с Редekom вы неплохо поладили? – нарочито отстраненно поинтересовался Колт, словно говорил о погоде.

– Милый парень, – хмыкнула я. – Но тебе не стоит надеяться, что к концу года я выйду за него замуж.

Колт улыбнулся, делая глоток вина.

– Я не собираюсь на тебя давить. Хоть вообще замуж не выходи, если не хочешь.

– Ловлю тебя на слове! – торопливо заявила я, зачерпывая ложкой еще немного мусса. – Но вот что мне стало интересно после разговора с Редekom и его отцом. Этот замок... и должность директора Академии Горгулий – это все-таки твоя награда за службу или завуалированное наказание?

Брови Колта удивленно взлетели вверх, выражение лица явно выдавало непонимание. Пришлось пояснить:

– Ну, я и раньше слышала, что это захолустье, что здесь учатся в основном те, кого не возьмут в другие учебные заведения. И даже сами горгульи, как я поняла, не горят желанием здесь жить и учиться... Честно говоря, твое назначение сюда директором начинает выглядеть как своего рода... ссылка.

Я запоздало испугалась, что мои слова могут его обидеть или как минимум задеть, а сегодня мне совершенно точно не хотелось ссориться, но Колт отреагировал вполне миролюбиво, даже тихонько рассмеялся.

– Да демон разберет этих драконов, если честно. Не знаю, чего именно они хотели, давая мне назначение и замок: наградить или держать подальше от столицы. Но для меня большая честь жить и работать здесь. Дом моей семьи в первые годы войны был разорен и сожжен, так что после ее завершения возвращаться мне было некуда. А этот замок – одно из значимых для всех горгулий мест. Поэтому для меня это определенно награда. К тому же суета столицы мне никогда не нравилась. Здесь мне хорошо. Я сам себе хозяин, у меня есть понятные задачи и интересное дело. До недавних пор в этом замке мне не хватало только одного.

– Чего?

– Тебя.

От его открытого, пронзительного взгляда мне стало не по

себе. Я опустила глаза к стаканчику в моих руках, с особой осторожностью зачерпывая ложкой мусс. Почему-то в этот раз мне не захотелось в резких выражениях напомнить, что до сих пор меня здесь не было исключительно по его вине.

– Мне кажется, в твоём замке не хватает ещё кое-кого, – решила я сменить тему. – Женщины. В смысле, твоей женщины. Жены или хотя бы любовницы. Ты все-таки не так уж стар.

– Не так уж? – переспросил он и снова рассмеялся. – И на том спасибо. Кажется, теперь роль сводницы решила примерить на себя ты?

– Едва ли, – фыркнула я. – Мне совершенно некого тебе предложить, разве что Мелису, но вы, как я понимаю, с ней это уже проехали.

– Наш брак не был настоящим, – напомнил Колт.

– И тебе никогда не хотелось хотя бы попробовать его таким сделать? Вы вроде неплохо ладите, симпатизируете друг другу. Даже дружите, а это немало.

– Немало, – согласился он и тут же возразил: – Но и немного. Она не любит меня, никогда не любила и никогда не смогла бы полюбить. Её сердце безнадежно занято.

– Серьезно? – удивилась я и даже не донесла до рта очередную ложку с муссом. – Кем?

Колт покосился на меня, и я уже решила, что он снова откажется со мной откровенничать, но сегодня отец, очевидно, был расположен поболтать и даже немного посплетничать.

– Бенсоном, конечно. Кем же еще?

Это заявление окончательно сбило меня с толку и заставило опустить ложку обратно в стаканчик.

– Вот я сейчас не поняла... Он в нее влюблен, как ты выразился, до потери здравого смысла. Ее сердце тоже безнадежно занято им... Так в чем их проблема?

Прежде чем Колт успел ответить, мне вспомнился кусочек подслушанного разговора этих двоих. «Сколько еще я должен каяться?» – спросил тогда Бенсон.

– Он ей изменил? – предположила я.

– Увы, все не так просто.

– Он изменил с ее лучшей подругой? – продолжила гадать я. – Или даже с сестрой?

– Он убил ее брата.

– Ой... – выдохнула я. Да, до такого я бы не додумалась.

– Вот именно. Это очень трагичная история, должен признать. Я познакомился с ними обоими незадолго до того, как оставил службу и поселился здесь. Они выросли по соседству, знали друг друга большую часть жизни. Считались одной из самых удачных пар тех мест. Оба из хороших семей, которые прекрасно ладили друг с другом, очень красивые и безумно влюбленные. Он чуть старше, при деньгах, но молод, на хорошем счету и с прекрасными карьерными перспективами, она умна, образована и с внушительным приданым. Их свадьба была лишь вопросом времени.

– И что же пошло не так?

– Ты спрашивала, все ли довольны доминированием драконов в Содружестве. Так вот, не все. Никакой серьезной оппозиции не существует, но группы бунтарей иногда собираются. Состоят в основном из молодых, романтично настроенных и, прямо скажем, не слишком умных людей, магов или оборотней. Брат Мелисы – на полтора года ее старше – попал в одну такую группу. Они выступили против власти драконов. Их протест, возможно, задумывался как мирный, но перерос в кровавые беспорядки. А Бенсон, как ты знаешь, миллит...

– И он был одним из тех, кто протест подавлял, – догадалась я.

Колт кивнул.

– Когда все пошло наперекосяк, Эдвин пытался сбежать. И именно Бенсон преследовал его. В одиночку. Как я понимаю, один не захотел сдаться, а другой не мог позволить ему уйти. Все решил поединок между ними: Бенсон остался жив, Эдвин был убит.

«Есть вещи, которые нельзя исправить покаянием... Их не исправить ничем. Никогда». Теперь мне стали понятны и те слова Мелисы.

– Все это как-то связано с тем, что Мелиса порвала со своей семьей? – тихо уточнила я.

Колт снова кивнул.

– После случившегося она отказалась выходить за Бенсона, а он настаивал. Ее семья оказалась в трудном положении.

Поступок младшего из двух сыновей скомпрометировал их, драконы подобного не прощают. Брак Мелисы с Бенсоном мог избавить семью от всех возможных проблем. Ведь этим они подтвердили бы, что отрекаются от сына-бунтаря и не имеют к его убийце никаких претензий. На Мелису надавили, и она была вынуждена надеть подвенечное платье, чтобы спасти семью. Но во время церемонии Мелиса прервала жреца и заявила, что не пойдет замуж за человека, на руках которого кровь ее любимого брата. Она публично отказалась от семьи, толкающей ее на этот бесчестный поступок, от своего имени и от защиты рода. В родительский дом она больше не вернулась, уехала из тех мест в тот же день.

– И что стало с ее семьей? – осторожно уточнила я.

– Ничего, – пожал плечами Колт. – Заставив дочь пойти к алтарю, семья доказала свою лояльность драконам. За все, что произошло после, отвечать предстояло только Мелисе.

– Но все обошлось ведь?

– Можно и так сказать. Бенсон не стал мстить за нанесенное оскорбление. Сама Мелиса какое-то время скиталась по Содружеству, нигде подолгу не задерживаясь. Без помощи семьи, имея за плечами подобный скандал, трудно найти постоянное жилье и честную работу. Никто не хотел связываться с опальной аристократкой. У нее, по сути, оставалось всего два пути: стать при ком-то тайной содержанкой или закончить свои дни в публичном доме. Академия Горгулий и я были ее последней надеждой, как она сама мне потом при-

зналась.

– Ты мог взять на работу опальную аристократку?

– Мог. Учитывая мои заслуги перед Содружеством, меня бы не тронули. А если бы я не захотел рисковать или делать это просто так, Мелиса готова была стать моей ни на что не претендующей любовницей. Она знала, что я по-прежнему не женат. И по ее словам, была достаточно высокого мнения обо мне, чтобы не считать это для себя таким уж низким падением.

– И, очевидно, находила тебя достаточно привлекательным, – не удержалась я.

Колт снова усмехнулся и заметил:

– Женщины всегда находили меня достаточно привлекательным.

Да уж, от скромности папаша не помрет, это точно!

– Но я полагаю, Мелиса все же рассчитывала на мое благородство, – продолжил он. – Женщине в ее положении верить свою судьбу мужчине в любом случае было опасно, но от меня она ожидала достойного поведения. Смею надеяться, я ее ожидания оправдал.

– Не сомневаюсь. А как Бенсон оказался здесь? – поинтересовалась я, снова принимаясь за мусс.

– Насколько я знаю, после успешного подавления бунта его, как особо отличившегося офицера, повесили и перевели в столицу. Там он ударился во все тяжкие: карты, женщины, вино. Поединки со всеми, кто смел дурно отозвать-

ся о Мелисе или сыронизировать над ситуацией в целом. За недостойное поведение его сначала сослали в город поменьше, потом понизили в должности, потом снова сослали... Но он успокоился только тогда, когда докатился до Бордема. Здесь он снова встретил Мелису. Она тогда уже была моей женой, что его ничуть не смутило. С тех пор он ходит вокруг нее кругами, надеясь, что однажды она простит.

– Но она не простит?

На этот раз Колт пожал плечами, поднося к губам почти опустевший бокал.

– Убийство брата – дело серьезное. Это не глупая ссора с кучей жестоких слов и даже не измена. Через такое нелегко перешагнуть. Трагедия в том, что эти двое по-прежнему любят друг друга, но Эдвин всегда будет стоять между ними. Не представляю, что такого нужно сделать Бенсону, чтобы это изменить.

– Да, печально, – признала я, замечая, что десерт закончился, осталось только то, что размазалось по стенкам стаканчика.

– Ты не говори Мелисе, что я тебе все разболтал. – На губах Колта снова появилась улыбка, и на этот раз она выглядела немного виноватой. – Ей будет неприятно.

– Конечно, – легко пообещала я. У меня определенно не было намерений бежать с этим к наставнице, чтобы обсудить. – Вообще-то, я хотела поговорить с тобой о другом. И если уж сегодня ты неожиданно расположен к беседе, я

хотела бы снова спросить про ту горгулью...

– Ника, – протянул Колт с нотками недовольства, – я уже все сказал. Там не могло быть настоящей горгульи! Ты видела одну из зачарованных мной.

– Она не была на них похожа!

– Ночь, лес, темнота, мертвецы вокруг... Ты была напугана! Твое воображение дополнило образ, сделав его более внушительным.

– А если нет? – не сдавалась я. – Почему вы так уверены, что больше не можете обращаться? Вот ты когда последний раз пробовал это сделать?

Колт только нахмурился, глядя на меня, но так ничего внятного и не ответил. Лишь повторил:

– Мы не можем обращаться.

– Ладно, предположим. А как насчет способности тумалонцев? Кроу становится вороном. Он сказал, что это результат магических усилий, а не врожденных способностей. Но если кто-то, кто не является вороном-оборотнем по рождению, может в него превращаться, логично предположить, что кто-то другой может научиться превращаться и в горгулью. Разве нет?

– Не думаю. Некоторые тумалонцы действительно способны оборачиваться птицами или мелкими животными. Я знал одного, который превращался в летучую мышь. Но ключевое слово здесь – мелкие. В теории можно освоить оборот в волка, но это не будет та же форма, что у настоящих волков-обо-

ротней, они были крупней. Поэтому нельзя стать горгульей или, например, драконом. Сил не хватит.

Я кивнула в знак того, что услышала и поняла его, но тут же поинтересовалась:

– Но все-таки... Если бы мне захотелось попробовать обернуться горгульей, что мне нужно было бы сделать?

– Родиться лет на триста раньше, – отрезал Колт, явно раздражаясь.

Я почувствовала, что тоже начинаю злиться, поэтому решила прикусить язык, пока не наговорила лишнего.

– Прости, это, наверное, прозвучало грубо, – неожиданно повинулся Колт, заставляя меня снова взглянуть на него. – Но оборот действительно невозможен. Ты видела одну из моих горгулий, просто вблизи она произвела на тебя иное впечатление. И поверь: я сейчас злюсь не на тебя за вопросы или за то, что в ту ночь ты оказалась в Мертвом лесу. Я злюсь на себя, ведь только я виноват в том, что это произошло. Надо было давно сменить ключ к тайному проходу.

– А почему ты его вообще оставил? – тут же поинтересовалась я. – Разве это не опасно?

Колт невнятно дернул плечом, словно не был уверен, опасен тайный выход из замка или нет.

– Решение принял не я, а отец Ламберта. По его мнению, тайный ход и подземелье могли однажды пригодиться. Закрывать старое строение и коридор, соединяющий его с более новым, казалось достаточным. Патрик лично наложил все

заклятия, взломать их или узнать не мог никто. Конечно, когда вас с Ламбертом поймали в Мертвом лесу, я заподозрил, как вы на самом деле там оказались. Но и тогда не сменил ключ. Не думал, что Ламберт передаст его тебе: это их родовое закливание, такое не разглашают кому попало. А я не хотел лишать его возможности делать то, ради чего он сюда приехал.

– Искать убийцу его невесты? – мрачно уточнила я.

– Я считаю, он имеет право на месть. Но он не должен был втягивать в это тебя.

Вздыхнув, я не стала уточнять, что сама во все втянулась. Лишь спросила:

– А та комната? Тайная, в подземелье. Почему вы с ней ничего не сделали?

На этот раз Колт заметно растерялся, мой вопрос удивил его.

– А что мы должны были с ней сделать? Это просто комната, там нет ничего опасного. Но спрятаться в ней тоже никто не может, потому что я знаю, где она.

Я уже хотела возразить, что там куча странных вещей и опасных с их точки зрения книг, но успела прикусить язык. Кажется, все это время мы с Колтом говорили о разных тайных комнатах.

– Чего мне так и не удалось выяснить, так это откуда Мортена знала ключ, – вздохнул тем временем Колт. – Как она вообще узнала об этом проходе и о лабиринте?

– Возможно, от Варга, – осторожно предположила я. – Киллиан сказал, что у них на курсе бродили слухи об этом. Не уверена, правда, что кто-то действительно знал ключ: сам Киллиан предпочитал держаться от этих слухов подальше и не проверял.

Отец одарил меня мрачным, тяжелым взглядом.

– И ты говоришь мне об этом только сейчас?

Я смогла лишь неловко пожать плечами. Внятных оправданий у меня не было.

Глава 5

После ужина я засыпала с мыслью о кабинете с запрещенной литературой по некромантии, который, как оказалось, по-прежнему находится совсем рядом. Честно говоря, я была уверена, что Колт или миллиты в процессе поимки Кроу все изъяли, хотя никто не сказал об этом ни полслова. Вполне вероятно, в лабиринте не одна и не две тайные комнаты, и ту, что нашли мы с ребятами, – то есть ту, в которую меня оба раза привели предполагаемые призраки, – прежде никто не находил. Поэтому она и осталась нетронутой.

Я понимала, что углубляться в тему магии смерти опасно, но вместе с тем считала, что некоторые знания могли бы мне пригодиться. Я хотела бы уметь защищаться от ее губительного воздействия, чтобы в следующий раз не умирать после упокоения парочки мертвецов. Было бы здорово иметь возможность поговорить с Мортеной и узнать наверняка, кто ее убил, пока этот человек не навредил кому-нибудь еще. И вообще, я была согласна с Кроу: не стоит сжигать книги только потому, что боишься отдельных страниц.

В итоге всю ночь я вязла в мутном, липком кошмаре, в котором никак не могла выбраться из Мертвого леса, а вокруг меня бродили, хрипя и рыча, многочисленные зомби. Утром я открыла глаза с уверенностью в том, что нужно проникнуть в подземелье и взять книгу, заинтересовавшую меня

еще в первый раз.

Только было непонятно, как это сделать, ведь проход в старое здание теперь закрыт на ключ, который неизвестен никому, кроме Колта. Оставался выход в Мертвом лесу, но даже если бы я смогла незаметно в него проникнуть, скажем, после наступления темноты, я была совершенно не уверена, что у меня получится найти люк. Да и, честно говоря, снова наткнуться на мертвецов совершенно не улыбалось.

Подумать над вопросом как следует все время что-то мешало. На завтраке друзья трещали, как заведенные, то в сотый раз обсуждая тему недавних событий, то строя планы на выходные. После у меня были назначены очередные дополнительные занятия с Мелисой, во время которых я отчаянно старалась сконцентрироваться на том, что говорит наставница, но постоянно уплывала мыслями к рассказу Колта о ее печальных отношениях с Бенсоном.

На следующий день я вспомнила о не запертом магией окне, через которое Рабану удалось вылезти из старого строения, но вариант пришлось отбросить, едва я прогулялась по двору и посмотрела, на какой высоте находятся окна третьего этажа. Я не знала пока, можно ли с помощью левитации подняться или она только замедляет спуск, но определенно была не готова экспериментировать: очень не хотелось сломать себе шею.

Ситуация казалась безвыходной, но к понедельнику в памяти всплыли слова Кроу о том, что, углубляясь в подзем-

ный лабиринт, он надеялся найти еще один выход. Судя по всему, имелся в виду не тот, что ведет в заброшенное строение замка – там Кроу все равно оказался бы в ловушке. Значит, теоретически может существовать еще один выход за замковой стеной. Если повезет, он будет не в Мертвом лесу. И только у одного человека я могла надеяться узнать о таком выходе-входе.

Я предпочла подловить Киллиана в библиотеке, когда у него была пустая пара, которую он, как типичный ботан, проводил за самостоятельным обучением. Правда, мне пришлось прогулять одно из занятий, но я надеялась, что мое отсутствие на лекции никому не бросится в глаза.

– У меня к тебе серьезный разговор, – тихо и торжественно начала я, садясь за столик читального зала напротив него.

Киллиан оторвал взгляд от одной из пяти книг, которыми обложился со всех сторон, проводя какое-то изыскание. И, надо заметить, посмотрел он на меня не очень-то дружелюбно, но ничего не сказал.

– Подземный лабиринт, который ведет из замка в Мертвый лес, – почти шепотом продолжила я. – У него должен быть еще один выход. Есть идеи, где его искать?

– Откуда? – буркнул Киллиан. – Я даже про первый был не в курсе.

– Не знаю... Может, среди старшекурсников бродят какие-нибудь слухи?

– Старшекурсники сейчас по большей части в недоуме-

нии, почему директор вдруг начал вызывать всех по очереди, выясняя, когда и при каких обстоятельствах они узнали о тайном проходе в закрытую часть замка. Большинство предпочитает говорить, что на прошлой неделе услышали о нем впервые, но у меня этот номер не прошел. Поскольку одна девушка уже донесла Колту, что я упоминал проход раньше.

Щекам мгновенно стало жарко, и под недовольным взглядом приятеля я невольно опустила глаза.

– Прости. Но ему важно выяснить, откуда Мортена могла знать про проход и ключ к его открытию. Источник такого знания может быть как-то связан с ее убийством.

– Ерунда, – отмахнулся Киллиан. – Эта информация передавалась от уходящего четвертого курса к новому неизвестно сколько лет! Концов теперь не отыскать, а тот, кто имеет отношение к убийству Мортены, вряд ли будет мести языком, рассказывая все, что ему известно. Или ей.

– Надеюсь, у тебя не было из-за меня проблем? – виновато протянула я, жалостливо глядя на Киллиана.

Выражение его лица смягчилось, и он качнул головой.

– Нет. Та же девушка, которая меня выдала, сказала директору, что я предпочел держаться от слухов о тайном проходе подальше, поэтому наверняка ничего не знал. Так что обошлось.

– Я рада.

– А уж как я рад!

– Так ты знаешь что-нибудь о третьем входе-выходе?

– Ничего я не знаю, – буркнул Киллиан, снова утыкаясь взглядом в книги. – И знать не хочу, если честно. И тебе не советую в это лезть, что бы ты ни искала в том лабиринте. Забудь и займись лучше делом, ладно? Серьезно тебе говорю. Дурная это история.

* * *

Я так и не поняла, действительно Киллиан ничего не знает о третьем входе или просто не хочет говорить, но пришлось от него отстать. И судя по всему, мне предстояло смириться с мыслью, что в потайную комнату теперь не попасть и доступа к хранящимся там книгам не получить. А это значило, что и многие мои вопросы останутся без ответов.

Засыпая в ту ночь, я принялась всерьез размышлять о том, как все-таки использовать для проникновения в подземелье люк, находящийся где-то в Мертвом лесу. Мысленно ругала себя за то, что не додумалась в предыдущие разы пометить то место, всегда доверяя наше возвращение Рабану. Хоть бы тряпочку какую на рядом стоящее дерево привязала... Хотя едва ли мне это сейчас помогло бы. Вариант попросить о помощи Рабана я отмела уже давно: он не поймет моего интереса к книгам по некромантии.

Мысленно я еще блуждала в лесу, когда почувствовала прикосновение к руке чьих-то ледяных пальцев. Мне бы

вскочить и одновременно отползти от чужака, но я смогла лишь открыть глаза. Тело было таким тяжелым и непослушным, что не удалось даже приподнять голову, не то что сесть на кровати.

К счастью – или к ужасу, как посмотреть, – незнакомец находился в поле зрения. Это был парень примерно моего возраста, может быть, чуть старше. Я узнала его: видела это лицо среди студентов-манекенов, что торчали посреди двора, пока не заметили меня. Сейчас он деловито приложил указательный палец к губам, призывая меня соблюдать тишину. Хотя я и так не могла издать ни звука.

– Идем со мной, – прошептал парень.

Или слишком громко подумал, потому что губы его так и остались сомкнуты. Хотелось возразить, что я не могу пошевелиться, но язык тоже не слушался, словно отнялся. Парень тем временем встал с кровати и шагнул к двери.

Странно, но у меня не возникло сомнений, идти за ним или нет. Я лишь испытала отчаяние из-за того, что не могу этого сделать, ведь мое тело все еще оставалось неподвижным, словно меня внезапно парализовало. Закрыв глаза и стиснув зубы, я рванулась, пытаюсь преодолеть этот паралич. Мне показалось, что ничего не произошло, но открыв глаза, я обнаружила, что уже стою на пороге комнаты. Обернувшись через плечо, непроизвольно вздрогнула, увидев в свете догорающего камина, что другая я так и осталась на кровати. Судя по расслабленной позе и безмятежному вы-

ражению лица, она спала.

Стараясь не задумываться о таком странном раздвоении, я поторопилась за таинственным ночным гостем, пока тот окончательно не пропал из вида. Лишь у подножия лестницы вспомнила, что на мне только футболка, едва прикрывающая попу, и белье, я даже тапки не надела, но ногам – и мне в целом – совершенно не было холодно.

«Может быть, я теперь тоже призрак? – промелькнула в голове пугающая мысль. – Может, кто-то ночью проник в мою комнату и убил меня? И та, что осталась на кровати, не спит, а... мертва?»

Отчаянно захотелось вернуться и проверить, нет ли на стене пугающей надписи про грехи отцов и детей, но идущий впереди парень будто почувствовал это, притормозил, обернулся и поманил за собой, мол, не отставай. И я решила не отставать. В конце концов, если меня убили, теперь уже ничего не сделать.

Темные коридоры сменяли друг друга, и меня почти не удивляло, что в их темноте я так отчетливо вижу проводника. Не показалось мне странным и то, что мы пришли все туда же: к тайному проходу в стене, безнадежно запертому новым закланием.

– Подойди, – велел парень, вновь не разжимая губ. – Коснись камня.

– Я не знаю ключа, – возразила я. Интересно, шевелились ли при этом мои губы?

– Я знаю.

Заинтригованная, я подошла к закрытому проходу и коснулась камня, как мне велели. Парень встал у меня за спиной и положил ладонь поверх моей руки, как когда-то сделал Рабан. Только теперь вместо жара я ощутила холод.

Заданная незнакомцем структура появилась в сознании, и я с готовностью наполнила ее магией. Тихонько охнула, когда стена передо мной растаяла, и шагнула вперед, убеждаясь, что это действительно так. Сама не заметила, как оказалась уже на середине перехода.

– Откуда ты?.. – начала спрашивать, оборачиваясь, но осеклась, увидев, что у все еще открытого проема парень теперь стоит не один, а в компании своих странных друзей.

– Мертвые все знают, – услышала я ответ, но так и не поняла, кто его дал.

Тревожные звуки, доносящиеся со стороны заброшенного строения, заставили меня снова повернуться, а потом и попытаться: в переход ввалилась целая орава зомби.

Не раздумывая ни секунды, я бросилась в противоположную сторону, но проем, за которым остались студенты, уже закрылся. Я уперлась в глухую стену и принялась судорожно ее ощупывать, надеясь понять, можно ли как-то ее убрать, но камень, открывающий проход, остался или за стеной, или на другом конце коридора.

– Откройте! Выпустите меня! – крикнула я в отчаянии, надеясь, что парень, который меня сюда привел, сжалится,

но каменная стена не дрогнула, а рычание сзади было уже совсем близко. Казалось, я ощущаю запах разлагающихся тел и чувствую их движение за своей спиной.

Я снова дернулась, зажмурившись, и... едва не свалилась с кровати.

«Опять чертов кошмар!» – то ли со злостью, то ли с облегчением подумала я, пытаясь выпутаться из кокона одеяла. А потом села и огляделась.

Камин все еще освещал комнату. Почти так же, как во сне. Лицо и спина покрылись холодным потом, во рту был привкус крови – кажется, я прикусила губу, – а в памяти все еще четко воспроизводилась структура тайного заклęcia.

Быть может, это был не совсем сон? Эти ребята уже являлись мне, я совершенно точно видела их наяву и слышала свист, указывающий путь в тайную комнату в подземном лабиринте. Именно в ту комнату, в которую я сейчас и хочу попасть.

«Мертвые все знают». И Киллиан сказал тогда, что это призраки, которых я вижу из-за особой восприимчивости. Может быть, они приходят не просто так, а что-то пытаются сообщить? Вероятно, они все знают, но не все могут сказать. Им нужно, чтобы я попала в ту комнату и... что? Научилась с ними общаться? Тогда они смогут объяснить, зачем приходят?

Звучало вполне правдоподобно. Я решительно спустила ноги с кровати и принялась одеваться: сейчас холод очень

даже ощущался.

«Прогуляюсь до прохода и попробую применить „приснившуюся“ структуру, – решила я. – Вдруг подойдет. А не подойдет, так вернусь и лягу спать. Чем я рискую?»

Рисковала я, если задуматься, многим. Вдруг ключ не подойдет, а Колт почувствует, что кто-то пытался открыть проход? Или даже сразу поймет, что это была я? Или стена исчезнет, а потом я, как во сне, столкнусь с толпой зомби и окажусь в ловушке? Впрочем, вряд ли. Появление мертвецов в финале, скорее всего, стало проявлением моей новой фобии: этот сюжет в последнее время часто всплывал.

Одевшись, я прихватила светящийся шарик и уже привычным путем отправилась к тайному проходу. Чего я не учла, так это снующих по коридорам стражников. Благо вспомнила о них прежде, чем услышала, и успела погасить «фонарь» и притаиться в темном уголке, дожидаясь, пока патруль пройдет мимо. Дальше пришлось красться в темноте.

Снова зажечь шарик я решила только в коридоре, где начинался тайный коридор: без света оказалось очень сложно отыскать открывающий его камень, а стражники здесь едва ли могли появиться, поскольку в этой части замка никто не жил.

Но действовать все равно пришлось быстро. Коснувшись камня, я сосредоточилась, воскрешая в памяти структуру из сна, и наполнила ее энергией. Каменная кладка мгновенно

но дрогнула, исчезая, проход открылся. Я посветила в него и прислушалась, убеждаясь, что никакой толпы мертвецов с той стороны нет, и только тогда нырнула в коридор, стараясь пройти его побыстрее.

Я и дальше не позволяла себе тормозить. Раз уж решила, надо действовать, а не тянуть резину, сомневаясь и боясь.

Лишь оказавшись в подземелье, я ненадолго застыла, глядя в убегающий в темноту коридор с ответвлениями. Конечно, придя сюда с Рабаном, я старалась запоминать путь, но я все еще не была уверена, что знаю его хорошо и смогу найти спрятанную комнату.

– Давайте, ребята, помогите еще раз, – прошептала я, боясь говорить громче, хотя здесь меня едва ли кто-то мог услышать.

Услышали те, к кому я обращалась. Сделав несколько шагов вперед, я увидела перед собой ту же девушку, что подсказала нам с Рабаном дорогу в прошлый раз. Она была все в том же платье и стояла ко мне спиной. Едва я ее разглядела, она двинулась вперед. Я пошла следом, стараясь не отставать. А надо заметить, в этот раз девица двигалась очень стремительно. Когда она сворачивала, я боялась ее потерять, а когда незнакомка действительно пропала, очень расстроилась, но потом сообразила, что мы пришли: дверь находилась в конце коридора, который сейчас выглядел как тупик.

Вспомнив заклятия, которые подсказал Рабан в наш совместный визит сюда, мне удалось и проявить, и открыть

дверь. Теперь действовать предстояло еще быстрее, чтобы сбежать прежде, чем нагрянет охраняющий кабинет дух. К счастью, я помнила, в каком шкафу стояла заинтересовавшая меня книга. На названия других постаралась даже не смотреть, чтобы не увлечься, но, забрав то, за чем пришла, и уже повернувшись к двери, все же замешкалась. Шагнула к столу, мучимая любопытством, которое подспудно грызло с самого первого визита, и схватила черный мешочек, так и лежавший на припорошенной пылью поверхности среди прочих не менее интригующих мелочей.

В то же мгновение моих ноздрей коснулся мерзкий запах, и я, прижав книгу рукой к груди и стиснув в пальцах мешочек, бросилась бегом к выходу, а потом и дальше по коридору, стараясь как можно быстрее отойти на безопасное расстояние. Когда ощущение гнетущего ужаса улеглось, я позволила себе перейти на шаг и оглянуться, чтобы убедиться в отсутствии погони.

Увидев за спиной девушку, которая привела меня к комнате, я дернулась, не закричав только потому, что от испуга горло перехватило. На этот раз она смотрела на меня. Ее лицо было разбито и изуродовано, словно ее со всей силы ударили головой о каменную стену. К счастью, разглядеть в подробностях мне не удалось: призрак растаял, едва я обернулась. Похоже, девушка не хотела, чтобы ее видели такой.

К себе в комнату я вернулась без особых приключений, но с бешено колотящимся сердцем и едва дыша. Руку, ко-

торой я держала украденные из кабинета некроманта «сокровища», буквально сводило от напряжения. Торопливо обновив запирающие заклятия, я вместе с книгой, мешочком и светящимся шариком запрыгнула на кровать. Зажигать люстру мне не хотелось, как и садиться за письменный стол, а в камине теперь уже только жарко тлели угли и света от них было маловато.

Первым делом я обратилась к содержимому мешочка. Из него на одеяло высыпалось несколько деревянных кубиков, похожих на игральные, но вместо цифр на их гранях были буквы. И либо скромное освещение и глубокая ночь играли со мной злую шутку, либо буквы эти время от времени менялись. Пока было непонятно, что это и зачем, поэтому я собрала кубики обратно в мешочек, а сама взялась за книгу, которая оказалась довольно пухлой.

Впереди была длинная бессонная ночь.

Глава 6

– Эй, ты спишь, что ли? – насмешливый голос Марин действительно выдернул меня из сновидения, в которое уставший мозг пытался погрузиться за завтраком.

Вздвогнув, я потеряла саднящие глаза и быстро-быстро заморгала, прогоняя сонливость. Уже третью ночь я жертвовала полноценным сном ради чтения утащенной из кабинета некроманта книги, поэтому весь день ходила почти как зомби.

– Нет, просто медленно моргаю, – буркнула я, чем вызвала череду смешков.

Мы завтракали нашей обычной компанией, но сегодня, как и в последние дни, мне не удавалось вникнуть и как-то поучаствовать в общих разговорах: мысли занимали другие вещи. И теперь это наконец заметили.

– Что с тобой происходит? – поинтересовался Киллиан. – Чем ты таким занимаешься по ночам, что весь день засыпаешь на ходу?

– Надеюсь, чем-то приятным, – хохотнул Владимир.

Я попыталась убить его выразительным взглядом, но на медведя, конечно, это не подействовало. Он только еще больше развеселился. Прежде чем я успела что-то ответить, Марин высказала собственное предположение:

– Это, наверное, из-за Мортены? И всей этой истории

с мертвецами и некромантом, который где-то поблизости? Ты не бойся, в замке достаточно безопасно.

– Ну да, Мортену же не из замка похитили, – фыркнул Киллиан. – И не в замке потом убили.

– Это наверняка касалось только ее, – заявила Алиана. – Или сам Варг ее убил, или все-таки Рабан. Но учитывая, кто все еще здесь, а кто сбежал, ставлю на волка.

– Даже если это не так, – добавила Марин, – и некроманту действительно удалось проникнуть в замок, больше стража такого не допустит. А миллита рано или поздно его найдет. Или он уберется подальше, чтобы не связываться.

– Или его вообще не существует, – усмехнулся Влад. – Не исключено, что мертвяки те из неупокоенных и пришли из пустошей. Может, Мортену где-то в Мертвых землях держали или она сама там пряталась от кого-то. Или с этим странным мужиком там была, который потом ей зелье дал. Вот там мертвецы ее заметили и пошли за ней. А она испугалась и обратно в замок побежала. Они за ней. И не было никакого некроманта вовсе.

Я обвела друзей взглядом. Они все казались вполне убежденными этой версией, некоторые даже покивали. Вероятно, вот до чего дошла местная молва за то время, что я выпала из информационного потока. И это понятно: каждый хочет верить во что-то хорошее, обещающее безопасность. Еще немного – и запирающие заклятия выйдут из моды, студенты снова расслабятся, потом расслабится и стража. И то-

гда, вполне возможно, некромант-убийца, кому-то и за что-то мстящий, нанесет новый удар.

– Все не так, – тихо выдохнула я.

С одной стороны, мне все еще было нельзя об этом рассказывать, да и не хотелось снова пугать друзей, но с другой... Как там говорится? Предупрежден, значит, вооружен? Если некромант действительно находится в замке и еще только начал свою игру, пусть лучше боятся. Целее будут.

– О чем ты? – настороженно поинтересовался Киллиан.

– Мортену убил не Варг и не из ревности...

Стараясь говорить как можно тише, я рассказала им обо всем, что услышала на допросе Кроу: о Мортене, ее отце, появившемся не позднее прошлой осени некроманте, который, вероятно, еще только постигает запрещенную науку, о надписи на стене и о возможной причастности новоявленного некроманта к смерти невесты Рабана.

– Я не думаю, что на Мортене все закончилось. Скорее всего, с нее все только началось. Поэтому будьте осторожны.

– Но почему Колт тогда молчит? – охнула Марин. – Все должны знать и соблюдать осторожность.

– Боятся паники среди студентов? – предположила Алиана. – Чрезмерной подозрительности и столкновений на этой почве?

– Или не хочет спугнуть, – высказал свою версию Киллиан. – По-хорошему, все комнаты и личные вещи студентов надо бы досмотреть на предмет запрещенной литерату-

ры и артефактов, но если начать это делать не с того конца, виновник успеет спрятать свое добро или кому-нибудь подкинуть. А так директор мог дать тайное распоряжение домовым, чтобы те искали подозрительные вещи.

Я буквально почувствовала, как сердце похолодело и уползло куда-то в пятки. С тех пор как я разжилась книгой и мешочком с кубиками, меня терзал страх, что Колт или Мелиса их найдут. Наверное, я поэтому и просиживала за чтением ночи напролет: боялась, что могу лишиться столь ценного источника знаний. Прятала свои трофеи то в гардеробной, то под кроватью, но каждое место казалось мне недостаточно надежным. И вот теперь Киллиан напомнил про домовых.

– Да кто будет держать такое у себя в комнате? – возмутился Влад. – Соседи могут найти. Нет, логичнее прятать где-то в общедоступных местах.

Я мысленно поблагодарила его за идею, а Киллиан уже высказал новое предположение:

– Например, тот, кто живет один.

И он выразительно посмотрел на Марин. Та испуганно и растерянно хлопнула глазами.

– Да, пожалуй, я бы начал проверять с тебя, – задумчиво продолжил Киллиан. – Студентка-второкурсница, живущая в комнате одна.

– Ты дурак? – возмутилась Марин.

– А чего сразу второкурсники? – присоединился к ней

Влад.

– Потому что некромант появился прошлой осенью, – догадалась Алиана. И посмотрела на меня. – Первокурсников определенно можно исключить из списка подозреваемых.

– И насколько мне известно, Марин не только единственный дуал, но и единственная студентка, живущая отдельно, – закончил свою мысль Киллиан. – Не считая Ники, но ее мы уже исключили как первокурсницу. А как верно заметил Влад, с соседями по комнате особо не разбежишься с запрещенными практиками.

– Вообще-то, еще преподаватели есть, – мгновенно сориентировался Влад. – Они тоже живут по-одному.

– И большинство работает здесь как минимум несколько лет, – заметила Алиана.

– А чем дальше Мертвые земли шепчут человеку, тем больше шансов, что у него поплывет мозг, – буркнула Марин.

– Вообще-то, профессор Блик тоже появилась здесь только в прошлом году, – припомнил Киллиан.

И тут уж не выдержала я:

– Профессор Блик и некромантия? Не смей меня! Вот уж кто меньше всего тянет на маньяка-убийцу. Впрочем, – торопливо добавила я, – Марин тоже не может быть этим психом.

– И на том спасибо, – все так же хмуро проворчала Марин.

– А кто, по-твоему, тянет? – тут же поинтересовался Кил-

лиан, пытливо глядя на меня. – Кто похож на маньяка?

В ответ я смогла лишь пожать плечами. Версии у меня не было. Только смутное ощущение, что подсказку могли бы дать эти призрачные ребята, которые уже несколько раз являлись мне и помогли разжиться книгой.

Однако пока я не могла вступить с ними в полноценный управляемый контакт. Первые разделы книги однозначно предостерегали начинающего некроманта от призыва и допроса духов. Мол, сначала поработайте с телами, лучше – телами животных. Потом пробуйте с хорошо знакомыми и лояльно настроенными к вам людьми, которые умерли больше года, но меньше десяти лет назад. Для полноценного призыва к тому же требовалась вещь, принадлежавшая почившему, или (что просто фу-фу-фу!) его кость...

– Слушайте, а существуют у вас какие-нибудь альбомы выпускников? – неожиданно для самой себя поинтересовалась я. – С фотографиями?

На меня недоуменно воззрились четыре пары глаз. Друзья явно не поняли, что мне нужно. Видимо, до фотографий тут дело тоже пока не дошло.

– Ну... с портретами! Какие-то изображения студентов где-то можно найти?

Теперь им стало понятнее, но мне это не помогло: все четверо лишь растерянно пожали плечами.

– А тебе зачем? – поинтересовался Киллиан.

– Да так, – грустно вздохнула я. – Хотела проверить,

не могли ли те ребята... Ну, которых я видела тогда во дворе... Не могли ли они учиться здесь раньше. Я узнала бы некоторые лица, если бы увидела снова.

Помня предостережение Киллиана, я не стала использовать слово «призраки». В конце концов, я вполне могла считать, что видела тогда живых людей, тайно проникших в замок. Однако друзья все равно заметно напряглись. Возможно, в глубине души они все-таки предпочитали считать, что я тогда все выдумала и разыграла их.

– Существуют только списки, – наконец сказал Киллиан. – Ежегодные списки начавших и закончивших обучение. Хранятся в архиве при учебной части, но доступ туда имеют только преподаватели.

– Так что в следующий раз спроси, как их зовут, – натужно хохотнул Влад. Было видно, что ему совершенно невесело, но он старается это скрыть.

А я задумалась. Спросить, как зовут? А что, может быть, у меня получится.

* * *

Занятия в этот день тянулись для меня бесконечно долго, а я сидела как на иголках, чуть ли не каждые две минуты бросая нетерпеливые взгляды на часы и проверяя, сколько еще осталось. От того, чтобы сбежать с пары лекций, останавливало только одно: это снова вызовет вопросы у отца

и Мелисы, а сегодня мне совершенно не нужны были их внезапные визиты и расспросы.

Мое нетерпение объяснялось просто. Конечно, получив в свое распоряжение книгу и кубики с буквами, я первым делом пролистала внушительный фолиант в поисках упоминания, для чего такие кубики могут быть нужны. И нашла их в разделе первичного установления контакта для начинающих. Их использование походило на общение со спиритической доской: задаешь простой вопрос и получаешь короткий ответ. Только складывается он из букв на гранях брошенных кубиков.

Такой контакт считается безопасным для некроманта-новичка, но имеет кучу ограничений. Например, спрашивать можно только о том, что непосредственно касается духа. И при этом ответ должен уложиться в одно слово не длиннее десяти букв. Меня это сразу разочаровало, потому что я не смогла придумать, как это реально использовать, поэтому не стала и пытаться, предпочла начать изучение с азов и найти более информативный ритуал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.